

НА ГОРЕ

Комедия в 4 действиях и 5 картинах

Александр Косоротов

Публикация и подготовка текста А. Г. Тимофеева

ДЕЙСТВУЮЩИЕ:

КРАЮХИНЫ	– Арина Федотовна, старуха – Вера Филипповна, девушка, ее внучка
ЛЕСНАЯ	– Любовь Филипповна, сестра Веры, молодая вдова
АХАТОВЫ	– Павел Сергеевич – Марья Ивановна, его жена – Василий Сергеевич, его брат – Дмитрий Павлович, сын.
ЛИСТОВСКИЕ	– Аркадий Иванович, художник – Нина Львовна, его жена, писательница
МЕЛКОВ	– Николай Степанович, писатель
БУЧКИН	– Анисим Ильич, фельдшер
ЧИНОВНИК	
ТЕРЕНТИЙ	– странник
МУЖИК	
КСЮША	– горничная у Краюхиных
ФЕНЯ	– горничная у Ахатовых
ИЛЬЯ	– лакей

ДЕЙСТВИЕ I

Картина I

В усадьбе Краюхиных. Слева, боком к зрителю, великолепный фасад старинного дома вalexандровском стиле, с широкой каменной лестницей, которая сбегает в цветник. Верх этой лестницы образует поместительную площадку с балюстрадой. В фасаде несколько окон. По цветнику столики, скамьи, садовые кресла. В правой части сцены несколько вековых деревьев: начало парка. Цветник представляет собою весьма открытое место, и потому ни фасад дома, ни деревья парка не должны загромождать сцены. В глубине, параллельно рампе, невысокая стена, за которой виднеется одноэтажный каменный домик простецкой постройки, наполовину заслоненный от зрителя фасадом барского дома. Это амбулаторная больница Краюхиных, стоящая при дороге, пробегающей мимо. Дорога зрителю не видна, но, по возможности, чувствуется в звуках, долетающих с нее время от времени. Сейчас за стеной начинается довольно крутой спуск с горы, который, как и дорога, не виден зрителю непосредственно, но обозначен роскошными купами парка, сбегающего лукой (справа к центру) в долину. Из-за этих куп, в полугоре, приблизительно на расстоянии версты, выглядывает вычурная башня соседней усадьбы, стиля «модерн», рисуясь победно и четко, но не совсем гармонично на фоне широко распостершихся великорусских далей. По долине, почти под прямым углом к горизонту, вьется большая полноводная река, берега которой густо усеяны городками, селами и деревнями.

Домик за стеной носит некоторые следы пожара. Стена цветника в одном месте разрушена, и в ней зияет довольно значительная свежая брешь. Неподалеку от бреши, справа, видны обгорелые останки деревянной беседки, красовавшейся на той же стене. Также и в самом цветнике чувствуются кое-какие следы недавнего переполоха.

Явление 1

Арина Федотовна, крепкая и бодрая старуха, сидит на площадке лестницы перед большим искалеченным сундуком и перебирает его содержимое. Возле стоит Ксюша.

Арина Федотовна. Кофта... Совсем добрая, – и вся как есть в грязи. (Передает Ксюше.) Выколоти. Щеткой пройдись. Не возьмет щетка – бензином попробуй. Поживет еще! (Перебирает дальше.) Шаль.

Чудесная шаль... Светла, – не по летам. Возьмешь себе. А то матери подари. (*Роется дальше.*) Ай-ай-ай! Это уж прямо сапожищами хожено... Ну, окаянны! Ведь ни ложки ни плошки, – а вот сундук мой зачем-то понадобился.

К сюш а. Это они, Арина Федотовна, для глуму, для озорства. Схватил из передней – да вот сюды, через пролом, – сильный черт, даром что маленький... «Ребяты! – орет, – кому охота старухины... (*хихикает в фартук*) извините... старухины, говорит, юбочки маленько пораструстить?»

Арина Федотовна. Поди-ка ты! Еще и острит... Да как же он распознал, чтó тут есть в сундуке?

К сюш а. Наш же буфетный, Семка. Весной, как приехали, вам надерзил, а вы его со двора и шугнули. Помните?

Арина Федотовна. Рыжий?

К сюш а. Во-во!

Арина Федотовна. Иродов сын!.. Погоди ж ты!.. Приедет начальство...

Явление 2

Люба Лесная входит через пролом. За нею молодой мужичок, странник, с очень мечтательным и наивным лицом, в армяке, с сумкой на спине, шапка в руках. Любे не более 25 лет. Оригинально красива, элегантна в движениях, но за наружностью, видно, совсем не следит. Левая рука на черной повязке; под мышкою книга.

Люб а (к страннику). Входи, голубчик, не бойся. Вот сюда, прямо, двором. (*Показывает вдоль стены мимо дома.*) Скажи, молодая, мол, барыня велела тебя покормить... (*Увидя Ксюшу.*) Ксюша, оторвись на минутку, позабочься о нем. (*Ксюша уходит впереди мужичка.*)

Арина Федотовна. Кого еще там привела?

Люб а. Странник. Встретила на дороге. Удивительно милый.

Арина Федотовна. Все они милые, – пока...

Явление 3

Бучкин показывается в проломе. Небольшой человечек лет сорока. Фуражка из чечунчи, с кокардой. Лицо симпатичное, открытое, простоватое.

Арина Федотовна. Ну, вот! Эта весь день у дыры торчит;

через нее уходит, через нее приходит, – теперь и вы тоже. Повадились! Ворам дорогу показывает.

Б у ч к и н (улыбается). Извините. Гораздо ближе. Живем рядом, а ежели что – чуть не полверсты обходить. Любови Филипповне! Ручку. (Целует.) А как другая, больная?

Л ю б а. Спасибо. Совсем не тревожит.

Б у ч к и н. Перебинтуем?

Л ю б а. Не стоит. Ваши бинты сидят как влитые.

Б у ч к и н. А! Доктор, если я налицо, никогда сам: всё я... (Указывает на книжку.) Книжица... Осмелюсь полюбопытствовать?.. Очень я, знаете, неравнодушен ко всем этим кладезям.

Л ю б а. Ах, это? Ваша! Вчера у вас же стащила, да и забыла сказать.

Б у ч к и н. Теперь узнаю: «Мысли мудрых людей», собранные Львом Николаевичем.

Л ю б а. Вы не в претензии?

Б у ч к и н. Помилуйте, что вы! (Возвращается к Арине Федотовне.) А я, Арина Федотовна, с приятною вестью! Подрядчик обещает привести все в прежний вид в десять дней.

А р и н а Ф е д о т о в н а. Чудесно. И в первую голову – этот дурацкий пролом... А что я думаю, Анисим Ильич. Не сделать ли нам и в самом деле в этом месте калитку?

Б у ч к и н. Та же идея мелькала и мне, да постенился сказать.

А р и н а Ф е д о т о в н а. Ведь и то полверсты, если в ворота.

Б у ч к и н (усмехается). Вот оно, Арина Федотовна, как обернулось. Изволили сказать: «Ворам дорогу...». А случалось и так, что воры и сами указали недурно.

А р и н а Ф е д о т о в н а. Все-то у вас к лучшему, Божий вы человек.

Б у ч к и н. Именно-с! «Все к лучшему в этом лучшем из миров!» Фраза, если не ошибаюсь, самого Лейбница.

К с ю ш а (выбегает из дома). Чиновник приехал! От губернатора.

А р и н а Ф е д о т о в н а. Ага! Ну, вот! (Вдруг встревожилась и подтянулась.) Проси в гостиную. (Ксюша уходит. Арина Федотовна укладывает все обратно в сундук.) Только уж ты, Любаша, в случае чего... осторожнее!.. (Закрывает сундук.)

Л ю б а. Ладно... (Арина Федотовна уходит в дом.) Анисим Ильич.

Больница стоит у самой дороги. Много ли вам приходится принимать «бродячей Руси»?

Б у ч к и н. Типы, действительно, разнообразные.

Л ю б а. Какие именно?

Б у ч к и н. Как вам сказать?.. Много! Бояки, богомольцы, ищащие работы...

Л ю б а. Ну, а вот такие, что он ни бояк, ни богомолец, ни работы ищет, а просто – идет, не зная зачем, не зная куда... – такие бывают?

Б у ч к и н. Так сказать, шатуны чистой крови? Слuchaются. Идет он, действительно, из пространства, уходит в пространство... Вот, знаете, как перелетные птицы... Вы это к чему?

Л ю б а. Так. Я думаю, что один подобный сейчас на кухне сидит. До боли хотелось бы заглянуть в его биографию, психологию...

Б у ч к и н. Ну, вряд ли... Все это, знаете, по преимуществу, если можно так выразиться, – нечленораздельные.

Л ю б а. А вы пробовали?

Б у ч к и н. Признаться – нет. Наше дело с ними какое? Вскрыл нарыв или рану перевязал, в зубы ложку микстуры... «Следующий!..»
(Улыбается.)

Л ю б а. А если его приласкать, покормить?..

Б у ч к и н. Оно конечно... И к тому же, при вашем пытливом уме...

Явление 4

Арина Федотовна выходит из дома с чиновником. Это еще молодой человек, в новенькой форме, держится сознанием важности возложенной на него миссии. Увидя Любку и Бучкина, раскланивается, слегка приподнимая фуражку.

А р и н а Ф е д о т о в н а (*рекомендует*). Вот, Люба, господин чиновник... Старшая внучка моя, вдова, гостит у меня. Есть и другая, девочка. Та со мною живет. А это Анисим Ильич, наш погорелец. Вот эту самую больницу ему и спалили.

Б у ч к и н. Собственно, только приемную. Квартира ж, равно как и аптека, остались в неприкосновенности.

Ч и н о в н и к. А это (*указывает на пролом*) – тоже они?

А р и н а Ф е д о т о в н а. Да.

Ч и н о в н и к. Однако!..

Арина Федотовна. Правду сказать, больше так кажется, что страшно. Стена ветхая и к тому же в этом месте подмыта дождями. Достаточно один разок бревном долбануть... Вот, еще беседку сожгли. Один озорник вытащил из передней вот этот сундук...

Чиновник. С целью грабежа?

Арина Федотовна. Нет, не скажу. Больше для баловства. И знаю кто (*перемигнулась с Любой*) – да уж Бог с ним!..

Чиновник. И это всё?

Арина Федотовна. Всё. А грабежа никакого.

Чиновник. Итак, значит, главные ваши убытки не здесь, а в роще?

Арина Федотовна. Да. Рощу действительно очень испортили.

Чиновник (*показывает прямо*). Этую самую?

Арина Федотовна. Нет, это парк. Роща в долине, возле Мигулина. Оттуда ведь все и попло.

Чиновник. Не можете ли вы объяснить причины, – как они вам самим представляются?

Арина Федотовна. Причины известные: у нас много, у них мало. А сдержанка, что была прежде, ослабла.

Чиновник. Да, но ведь здесь, на горе, корыстных целей у них, как вы сами только что изволили заявить, не было. Почему же здесь?

Арина Федотовна (*опять перемигнулась с Любой*). А это уж так. В долине кипело, а сюда на гору боком взмыло. Ночью тоже так часто бывает: в одной деревне собаки в самом деле грызут, а в соседней по сочувствию откликчу дают.

Чиновник. Да, но ведь в соседних усадьбах, как слышно, ничего не было. Почему же именно у вас?

Арина Федотовна. А это опять-таки: на кого упало, тому и попало.

Люба (*тихо*). Молодец, бабуля!

Чиновник (*немного обиделся*). Ваши ответы делают честь вашему философскому отношению к постигшей беде, но, – если позволите... ведь этак можно даже подумать, что вы уклоняетесь от прямых указаний, потому что вам попало за дело.

Арина Федотовна. А что ж, мой батюшка, не отрекусь. Я думаю так, что всякому человеку ежели попадает, то непременно за какой-нибудь грех.

Чиновник (*после паузы*). Ну-да-а... (*Опять пауза*.) Не можете ли

указать мне виновных или по крайней мере тех, кого подозреваете?

Арина Федотовна. Я бы пожалуй... кой на кого... (*Та же игра с Любой.*) (*С легкой досадой.*) Да вот – она не велит...

Чиновник (*Любе*). Почему же?

Люба. Потому что, как вам уж ответила бабушка, главные виновники всей кутерьмы – мы, богатые, или вы, правители, которые не умели управить. За что же наказывать второстепенных и темных?

Чиновник. Кхм... (*Пауза.*) Прекрасная философия, – но... я, извините, приехал сюда для разговоров более точных. (*Пауза.*) Нельзя ли полюбопытствовать, отчего у вас рука на повязке?

Люба. Меня ранил солдат.

Чиновник. В ту же ночь?

Люба. Да.

Чиновник. Здесь в усадьбе?

Люба. Нет. В ту ночь я была не здесь, а в долине.

Чиновник. Что ж вы там делали?

Люба. Наблюдала.

Чиновник. И, вероятно, солдат вас принял за бунтовщицу?

Люба. Вероятно.

Чиновник. Кхм... (*После паузы, Арине Федотовне.*) Видите ли, сударыня... Губернатор и я, ближайший к нему человек, мы оба здесь внове... Прежний начальник губернии устраниен потому, что на многое смотрел слишком сквозь пальцы... В силу той чрезвычайной смуты, которой охвачена вся страна и, в частности, эта губерния, мы вынуждены, так сказать, затянуть бразды... Позвольте вам подать пример откровенности. Мы, повторяю, здесь внове, но это не мешает нам кое-что знать. От госпожи Лесной я и не ожидал определенных ответов, но в вас я надеялся найти более своего человека. Дело в том, что на вас одновременно обрушились два обуха. В долине вы пострадали от революционеров, подобно другим крупным собственникам, но вашей усадьбе досталось скорее от черной сотни, и я, не обинуясь, приписываю последнее исключительно тому обстоятельству, что ранней весною, в то время как вы еще проживали в Москве, – здесь, в этой усадьбе, нашла приют компания агитаторов, и в числе их трое евреев. (*Разнообразные движения Арины Федотовны, Любы и Бучкина.*) Гостеприимство было им оказано госпожою Лесною и не продолжилось лишь потому, что приехали вы. Вы видите, что наши познания не лишены точности.

Люба. Это что же – допрос?

Чиновник. Нет, доводить до этого мне б не хотелось. Некоторые данные позволяют мне видеть во всем этом не преступные замыслы, а скорее, если позволите (*сильно смягчая тон и с улыбкой*), несколько, как бы сказать, неосторожную игру с очень опасными предметами.

Бутик (*робко*). Любовь Филипповна всегда, всегда отличались этакой, знаете, весьма развитой любознательностью.

Чиновник. Вот именно по этому поводу мне, собственно, и хотелось бы побеседовать с Любовью Филипповной... по душам, о, только по душам!... (*Движение Любы.*) Виноват! Я не напрашиваюсь на фамилиарность, упаси Бог! А просто, видите ли, вы — одна из виднейших обычательниц, я — представитель власти, призванной служить обывателям... Надо же как-нибудь взаимно установить, так сказать, *modus vivendi*!

Люба. Я от беседы не уклоняюсь, но предупреждаю, что ни имен, ни фактов вы не добьетесь. (*Усмехается.*) Впрочем, и знаю-то я очень мало, уверяю вас. А документов и совсем никаких.

Чиновник. Но вы им сочувствуете?

Люба. Лишний вопрос.

Чиновник. Почему же вы им сочувствуете?

Люба. Потому что многие из их взглядов на жизнь соприкоснулись с моими.

Чиновник. Принадлежите к какой-нибудь партии?

Люба. Нет. (*Усмехается.*) Я — одиночка.

Чиновник. Так-с... (*Пауза.*) Однако у нас, собственно говоря, настоящий разговор не налаживается. Краткий вопрос — краткий ответ.

Люба. Иного быть не может.

Чиновник. Да, я понимаю!.. Но все же... Скажите откровенно, вы были бы способны бросить бомбу или вообще — убить?

Люба. Нет. Никогда.

Чиновник. Почему? По убеждению или по чувству?

Люба. И по тому и по другому.

Чиновник (*горячится*). Так, как же вы можете... (*Жест нетерпения со стороны Любы.*) Нет, позвольте! Я понять не могу, как можно в таком случае совместить...

Люба (*тоже нервничает*). Оставьте, прошу вас! Классический думский вопрос... Квадратура круга... Надоело! И смерть вовсе не такая ужасная вещь, как кричат все. Умрете вы, умру я, она, он. А когда, — не все ли равно? Дело не в сроке жизни, а в ее содержательности. Смиренно

близиться к смерти в постоянных цепях, в духоте, в унижении... – да нет! действительно лучше немедленно разбить себе череп об стену!

Ч и н о в н и к (*нервится*). Так и разбивайте с Богом сами себе!
Зачем же трогать других?!

Л ю б а. Я вам лучше отвечу... вот... (*ищет в книжке*) по этой вот книжке. Здесь собраны изречения людей гораздо мудрее и вас и меня... (*Наила.*) Вот! (*Читает.*) «У человека нет никаких данных для оценки, а тем более права для суждения о результатах жизни, полной безусловной самоотверженности». (*Захлопывает книжку.*) Это сказал один из самых мирных и незлобивых граждан вселенной, Джон Рескин... (*Чиновник хочет что-то возразить.*) Извините меня, я прекращаю наш разговор, не из неуважения к вам, а просто потому, что он меня слишком волнует... (*Быстро уходит в парк. Чиновник, глядя ей вслед, нервно крутит свой ус.*)

Явление 5

А р и на Ф е д о т о в на (*осторожненько*). Блажная она у меня. Отец покойник, сынок мой, тоже был шалый, ну хоть понятный. Модни-чал, декадентский форс по Москве пускал, – вот и все. А уж эта... Одно время тоже все с декадентами.* В Питер, в Париж, к немцам... Такою-то ряженую ходила – не приведи Бог. Замуж вышла за больного пьян-чужку – на ладан дышал – только лишь потому, что фамилия показалась. А чем показней Краюхиных? По-моему, так даже дикая фамилия. Прошлой зимой надоели вдруг декаденты, – и вот ударилась по этим ми-тинкам *<Sic! – A. T.>* разным. И всё-то ей надо, во всё воткнуть свою голову... – с большого ума!

Ч и н о в н и к. Скажите, у нее свой капитал?

А р и на Ф е д о т о в на. Да. От отца немало осталось.

Ч и н о в н и к. Обирают ее?

А р и на Ф е д о т о в на. Декадентам давала.

Ч и н о в н и к. Имею сведения, что и другой лагерь остался не без прибытку.

А р и на Ф е д о т о в на (*искренно встревоженная*). Ахти! Да неужто?.. Встал бы покойник мой Иван Федосеич... Говорила ему: «Не отписывай на Филиппушку уйму такую, потому шалый он и детей по себе

* Это слово, как и другие иностранные, Арина Федотовна произносит на русский лад. –
Прим. автора.

воспитает...» Ну, да сынок-от баловался, а тоже дело свое соблюдал. А уж эта... Того и гляди – ко мне же на хлеба попадет... Кстати, что же я тут с вами впustую болтаю? Не угодно ли чего закусить?

Чиновник. Весьма благодарен. Станционный буфет очень плох.

Арина Федотовна. Вы тут потолкуйте, а я мигом. (*Идет на лестницу и останавливается на площадке.*) Но только так я скажу... Не к делу. Дело – это уж ваше дело, как знаете. А больше так, к разговору... Заметно, уж и агитаторы ей надоели. Куда теперь погонит, на что – Бог весть!.. Ну, да вот если вам интерес, так расспросите Анисима Ильича. Свой человек. (*Уходит.*)

Явление 6

Чиновник и Бучкин. Оба садятся.

Чиновник (после паузы). Н-да... Во всяком случае, прискорбный факт остается: здесь весьма занимались политикой.

Бухкин. Смею заверить – нет! Интересоваться – да, интересовались. Но только не занимались. Мы тут все, на горе, большие, так сказать, созерцатели, нежели делатели. Делают где-то там (*неопределенный жест*), а мы к этим делам (*улыбаются*) подыскиваем соответственные слова. Вот в этом именно смысле Любовь Филипповна и «втыкает во все свою голову», как заметила Арина Федотовна, не совсем, правда, изящно, но вполне точно. Только лишь в этом смысле, – смею заверить. Кроме того, Арина Федотовна сказала еще: «Блажная». Вот с этим уж я не могу согласиться. Дама необыкновенного ума и образования. Что касается меня, то скажу прямо: чую в ней великую душу и молюсь ей. Да и вообще, если позволите доложить, тут все на этой горе – удивительны, и живу я тут как бы среди богов.

Чиновник (с любопытством оглядывает его). Вы фельдшер?

Бухкин. Да-с.

Чиновник. Просто – фельдшер?

Бухкин. Да. А вы это, собственно, к чему?

Чиновник. Так изысканно говорите. Местами даже красиво.

Бухкин (покраснел и расцвел). Очень вам благодарен. Более приятного комплимента, могу сказать, не умею вообразить, ибо люблю словесность превыше всего и прилежу к ней, ну... – сколько себя помню.

Чиновник. Вы сказали: «Среди богов». Пока я видел только одну богиню. Кто же еще?

Б у ч к и н. А это уж соседи, Ахатовы. Вон там, изволите видеть, – башня из-за деревьев. Их самая. Наш парк примыкает прямо к ихнему парку, и ничем даже не разгорожены: дружба-с! Дедушка нынешнего владельца... Нет, позвольте. Вы новый человек, так, если не поскучаете, я бы уж лучше, так сказать, краткий общий проспектус на всю эту гору, начиная с вершины.

Ч и н о в н и к. Пожалуйста. Любопытно.

Б у ч к и н. Эта величественная усадьба, изволите видеть, некогда была собственностью князей Алатынских, и жили они тут подобно владетельным герцогам, ибо все, что отсюда видно глазам, принадлежало им. Звери были! До сих пор старики рассказывают... Но, можно сказать, – великолепные звери. Последний же был уже не великолепный, а даже, можно сказать, жалкий зверь, взирающий на эту долину с трепетной злостью, ибо увидел, как эта долина вдруг, по мановению Александра Освободителя, двинулась к нему на гору этаким, понимаете, медлительным приступом. Но что теперь мог поделать какой-нибудь Алатынский против хода истории, так сказать? И крепость действительно была сдана, – иначе сказать, продана, – сильнейшему из долины, каковым оказался дедушка нашей божественной Любови Филипповны. Род исконный крестьянский. Теперь спустимся ниже, к господину Ахатову. Его дед тоже из наших сереньких, разночинных. Был домашним учителем у того же последнего Алатынского, потом управлял имением. Сын его стал уже инженером. А сам Павел Сергеевич – всё сразу. Ловкий человек, быстрый человек!

Ч и н о в н и к. У этой башни интересная архитектура.

Б у ч к и н. Весь дом такой, – рекомендую взглянуть. Стиль модерн, последнее слово. Башня пристроена позже – для сынка. Еще студент, – а уже печатается, одной ногой в знаменитостях... Моя гордость! Когда-то вместе с гимназистиком рыбу ловили и Некрасова наизусть изучали. У меня и сейчас в шкатулке его сувениры: стихотворение «Вечер» и пьеса для скрипки, – оригинальнейшая! – «Весенные звуки». Автографы. Такой поэт, и музыкант, и даже певец... Живет, так сказать, по новому завету, «в башне», – и творит... Да и остальная семья тоже, могу сказать... (Пауза.) Нет, что там ни говорите, куда же стала теперь жизнь на этой горе и красивее, и, вот именно, главнейшим образом – просвещеннее! Само собой, у Алатынских тоже... Но только это отсюда никуда не шло. Теперь же просвещение, можно сказать, разливается вокруг. Де-мо-крати-зация – великое слово! Вот я, маленький человек... – помилуйте, я с ними постоянно, как свой. Лишь бы не лень, – хватай и глотай! Каждое

лето просвещение, можно сказать, стекается ручьями из Питера, Парижа, Москвы, Мюнхена, Лондона – прямо на эту гору. И я все лето пью и глотаю, а зиму перевариваю. Помилуйте, – небесная благодать!.. (*Приступает и взглядывает направо, в парк.*) Да вот, кстати... если не ошибаюсь... Именно: супруга Павла Сергеича. Сколько моложава! Кто поверит, что сын – студент? И с ней господин Мелков. У них в гостях. Фамилия вам, конечно, знакома. Известный писатель. Тоже – просвещеннейший человек! (*Чиновник тоже встает, оправляется.*)

Явление 7

Из парка входят: Марья Ивановна, недурнная собою, очень симпатичная, пухленькая блондинка с вечно оживленными детскими глазками и вздернутым носиком; губки бантиком; прекрасный туалет. С ней рядом Люба. Немного отставши, – Мелков, лет сорока с небольшим, представительной наружности, но одет несколькодержанно и démodé.

М а р ь я И в а н о в н а (*Любе*). Да, да, вообразите, – вдруг телеграмма: «Едем скорым. Листовские». Митя, понятно, до потолка! Меня закружило, – чуть не упала. Вы тоже, конечно, рады, не правда ли?.. Ну, тут сейчас Поль: «Прыгайте, прыгайте, – а поезд без вас придет!» И действительно, – только успеть. Митя с Васей сейчас на конюшню, – а мы сюда. Высадим здесь у вас, а потом проведем парком. (*В полуоборот к Мелкову.*) Для дорогих гостей пришлось обеспокоить Николая Степаныча, – переселить его во флигель... Но он, конечно, не обижается, он такой милый... И свой человек...

М е л к о в (*стараясь скрыть чувство обиды*). Помилуйте! Я уже сказал вам... И к тому же я понимаю ранги: Листовские, *fin des fins*, – и я, жрец кумира в отставке.

М а р ь я И в а н о в н а. Ну вот, ну вот – и обиделся!

М е л к о в . Говорю же вам – нет! А что я немного насмешлив... – то уж таков, извините, мой стиль.

М а р ь я И в а н о в н а. Что ж тут смешного?

М е л к о в . В вашем доме за последнее время все, повинувшись эпохе, становится символичным. И эти перемещения из дома во флигель всех «отсталых»... – тоже, должно быть, символ. Ха-ха!

М а р ь я И в а н о в н а (*пожимает плечами*). (*Заметя Бучкина.*) Анисим Ильич, здравствуйте, милый! (*Жмет руку. Мелков тоже жмет ему руку. Тем временем Люба отходит к пролому и смотрит вдаль. Марья Ивановна лорнирует чиновника, который раскланивается.*)

Б у ч к и н. Господин чиновник. По поводу беспорядков.

М а рь я И в а н о в на. Ах... (*Быстро.*) Очень, очень приятно!
(Жмет ему руку.) Скажите, это не может повториться?

Ч и н о в н и к. Надеюсь, что нет.

М а рь я И в а н о в на. Пожалуйста! А то, знаете, совсем
неудобно. К нам едут Листовские, – ну, знаете, эти известные; предвку-
шаем такое дивное, дивное лето – и вдруг...

Ч и н о в н и к. Будьте покойны. (*Немного рисуясь.*) Наслаждайтесь
безмятежно культурой, – мы не будем спать за вас там внизу.

М а рь я И в а н о в на. Merci, bien merci! (*Опять жмет ему руку.*)

Явление 8

Арина Федотовна выходит из дома.

М а рь я И в а н о в на. Арина Федотовна! (*Бежит к ней. Целует-*
ся.) Как себя чувствуете? Оправились?

А р и н а Ф е д о т о в н а. Ничего, прыгаем.

М а рь я И в а н о в на. А дуся Веруния? Здорова? Что же ее не
видать?

А р и н а Ф е д о т о в н а. Здорова. Должно, у себя работает, либо
книжку читает. Она ведь у меня домоседка... (*Чиновнику.*) Пожалуйте
закусить. (*Уходит с чиновником. Слышино, как по дороге приближаются
бубенцы.*)

М а рь я И в а н о в на (*прислушивается*). Вася и Митя! Едут на
станцию. (*Бежит к пролому, где уже стоит Люба, но приостанавлива-
ется, заметив, что Мелков прощается с Бучкиным.*) Николай Степа-
ныч, куда же вы?

М е л к о в. Я ведь только проводить вас сюда. Надеюсь, больше не
нужен?

М а рь я И в а н о в на. А как же... Разве не хотите встретить
Листовских?

М е л к о в (*пожимает плечами*). Я с ними не столь близко знаком...
(*Уходит.*)

М а рь я И в а н о в на (*прислушивается опять. Бубенцы,
приблизившись к пролому, вдруг смолкли.*) Вот тебе раз! Остановились?
(*Бежит к пролому.*)

Явление 9

Вера выходит из дома. Блондинка лет 18–19 с красивой фигурой и свежим, мечтательным, наивным, несколько робким лицом.

В е р а. Анисим Ильич, вас бабушка просит. (*Бучкин уходит в дом, а Вера сходит с лестницы и остается в цветнике, заинтересованная сценой у пролома.*)

М а р ь я И в а н о в на (у пролома). Чего же вы слезли? Опоздаете!

В а с и л и й А х а т о в (вместе с Митеем показывается в проломе). Время есть. Надо же поздороваться! (*Оба здороваются с Любой.*)

М а р ь я И в а н о в на. Ну, смотрите! (*Вдруг, о чем-то спохватившись, оборачивается и бежит к дому – и тут увидела Веру.*) Веруня, дуся! (*Целует и ласкает ее по голове.*) «Чистая травинка моя!...» Вас так бабуля зовет. И правда, вы – как травинка: такая гладенькая, гибкая, зелененькая... Дуся, дуся! (*Опять целует. Опять спохватывается. Деловым тоном.*) Чиновник уехал?

В е р а. Нет еще. Завтракает.

М а р ь я И в а н о в на. Побегу, еще попрошу... (*Бежит в дом, Вера остается на прежнем месте.*)

В а с и л и й (идеальной элегантности господин лет под тридцать, похожий на молодого английского лорда. Сказав несколько слов с Любой, оставляет ее с племянником и подходит к Вере). Здравствуйте. (*Удерживая ее руку и отстраняясь, оглядывает девушки благосклонным и внимательным взглядом. Это ее и смущает и радует.*) Вы хорошеете день от дня. (*Беседуют тихо.*)

М и т я (юноша не более 20 лет, с нервным матово-бледным лицом и вечно блестящими, как в лихорадке, глазами. Над красиво очерченным ртом черные усыки. Славный лоб, украшенный кольцами небрежно спутанных темных волос. Фигура изящная, гибкая. Одет прихотливо. На голове темно-синий берет. Во всей манере себя держать чувствуется вечное внутреннее горение. Беседует с Любой, идя рядом с нею по цветнику вперед к рампе). Листовские заставят забыть о всяком погроме.

Л ю б а. Вы думаете?

М и т я (взглянув на нее). Что это вы как будто... Неужели вы и в самом деле их больше не любите?

Л ю б а. Нет, ничего...

М и т я (хрустя пальцами). Не хочу этому верить! (*Пауза. Мимоходом жмет руку Вере.*) Здравствуйте, Вера. (*Опять к Любке.*) А они вас по-прежнему – обожают! Когда я познакомился с ними этой весною и они

узнали, что вы наша соседка и старинная знакомая, то так и засыпали вопросами: «Куда пропала? Что с ней? Будет ли жить летом у бабушки?...» Я даже так полагаю: их приездом я обязан тому, что вы оказались здесь... (Пауза. Спохватывается, глядит на часы.) Дядя Вася, пора. Едем!

Василий. Поезжай один.

Митя. Вот тебе на!..

Василий. Я вспомнил... Есть дельце к Любови Филипповне.

(Митя, махнув рукой, убегает в пролом. Слышины быстро удаляются бубнены его шарабана.)

Люба. Ко мне... или к Вере?

Василий. Сначала к вам... А с Верой Филипповной (оборачивается к ней), если понадобится, мы докончим потом. Не правда ли? Я вас найду?

Вера. Я у себя книжку читаю. (Уходит в дом.)

Явление 10

Василий (подходит к Любке. Решиительно). Вы намерены продолжать вашу игру?

Люба. Игру?.. Напротив, в последнее время я устала от подобного тона и, кажется, уже никогда к нему не вернусь. А впрочем... Не знаю!..

Василий. Ну, я хочу сказать... Вы по-прежнему смиренно туда, в долину?.. И мне это – conditio sine qua non?

Люба (с высокомерной холодностью). Много берете на себя. Никаких определенных договоров, мой милый царек, базилевс, я вам не предлагала. Было лишь сказано: угодно надеяться – пожалуй, надейтесь... если пойдете туда, куда мне захочется.

Василий (насмешливо). Куда захочется вашей ноге!

Люба (вызывающе). Хотя бы и так?

Василий. И эта нога продолжает хотеть...

Люба. Я уже сказала, – сама еще ничего толком не знаю.

Василий (с нетерпением, резко). Так я хочу наконец знать, и немедленно! Понимаете?

Люба (после паузы, вглядываясь в него, медлительно). Ага – понимаю!.. (Опять пауза.) Ну так тогда я вот что скажу вам, милый царек. Куда бы теперь моя нога ни пошла, – она пойдет одиноко... Ступайте. Вера вас ждет. (Отвертывается.)

Василий. Любка, слушайте! Чтобы не вышло недоразумения. Я

уже намекал – и опять говорю. Я кое-что подозреваю. Вы ждете Листовскую... Я человек без малейших предрассудков, и если вас останавливает это...

Люба. Не то и не это. (*С тоскливою скучою.*) Всё мне чуждо сейчас, всё и все. Идите к Вере, не бойтесь. (*Пауза. Василий медленно идет к дому. Она останавливает его своими дальнейшими словами, когда уже он на ступенях.*) И, пожалуйста, не обижайтесь. Дело не в вас... и даже не во мне самой... а в чем-то новом, выше меня, налетевшем извне... (*С тоскою.*) Ну, не знаю, еще сама ничего не знаю!.. (*Садится на скамью, закрывая лицо руками. Василий уходит в дом. Длинная пауза.*)

Явление 11

Арина Федотовна (*выходит из дома*). Ну, сплавила!

Люба (*рассеянно, в глубоком раздумье*). Кого?

Арина Федотовна. Правителя. Попил, поел, наболтал, уехал. (*Пауза.*) Не люблю я их! Даром живут. Хлопочут-хлопочут, говорят-говорят, а толку не видно. (*Уходит в дом.*)

Марья Ивановна (*выбегает на площадку*). Любочка! Что я придумала. Пойдем по дороге навстречу!

Люба (*та же игра, что и с Ариной Федотовной*). Кому?

Марья Ивановна. Ну – Листовским!

Люба. Не хочется. Тут подожду.

Марья Ивановна. А я пойду. Где Базиль?

Люба. Где-то там, в доме.

(*Марья Ивановна убегает обратно в дом. Длинная пауза, во время которой Люба переходит со скамьи к пролому и снова пристально смотрит вдаль.*)

Явление 12

Василий (*выходит из дома в сопровождении Веры. Вера сильно взволнована. Она остается на площадке, в то время как Василий сходит с лестницы*). Так, значит, – до вечера.

Вера. Да. Я прошу вас...

Василий (*идет через цветник к парку. Пройдя весь цветник, обворачивается и делает рукой жест приветствия*). До вечера! (*Уходит.*)

Вера (*сбегает в цветник*). Любочка!.. Сама не верю себе. Или это во сне?.. Любочка! Василий Сергеевич сделал мне предложение...

Люба (спокойно). Очень рада. Я этого ожидала. И, конечно... можно поздравить?..

Вера. Уж я и не знаю... Это вышло так неожиданно... (Пауза.) Любочка, милая, скажи откровенно!.. Тебя взволновало?

Люба. Понятно, да. Судьба сестры...

Вера. Нет, не в том смысле... Я... (Очень затрудняется.) Тебе, может быть, это не нравится?

Люба. Отчего же?

Вера. Мне так казалось... Ты скажи прямо... Мне это страшно мучительно... Если только это тебе хоть немножко не по душе... – я откажу. Ведь я еще ничего не ответила. Просила до вечера...

Люба. Тебе так ценно мое мнение?

Вера. Очень, очень! Уверяю тебя!

Люба. Хорошо... (Пауза.) Мне кажется, что тебе вообще, с твоей чистой, кристальной душою, лучше бы в монастырь, нежели замуж. Семья в твоем духе – стариная, дедовская... – она теперь такая же редкость, как белый слон.

Вера. Что ты хочешь этим сказать?.. Или Василий Сергеевич...

Люба. Говорю без всяких намеков. И если уж выходит, то Василий Сергеевич... не хуже других. Во многих отношениях, пожалуй, и лучше. (Пауза.) Ты очень любишь его? (Вера, вместо ответа, лишь крепко обнимает сестру. Пауза.) Ну, так и с Богом!

Вера. Пойду помолюсь... а потом – к бабушке!

(Убегает в дом.)

(Люба идет обратно к пролому и вперяется вдаль. Пауза.)

Занавес

Очень короткий антракт, в зале не дают полного света.

Картина II

Все по-прежнему. Люба одиноко сидит на скамье возле рампы, с раскрытым книжкой в руке, но не читает, а глубоко задумалась.

Явление 1

Букин (трусит из-за дома). Едут! У ворот я стоял... Сейчас будут здесь! (Пауза.) Любовь Филипповна. О чем я хотел спросить... Они действительно так знамениты?

Люб. Ну, как вам сказать?.. Если хотите, – пожалуй, да. По крайней мере в прошлом году – злоба дня.

Букин. А я, представьте, ничего не читал. То есть, собственно, начал однажды эту книжицу госпожи Листовской... У Митеньки ведь тут почти вся библиотека.... Ну, взял... – ах ты, Господи, как ее?.. Еще такое название... не то санскритское, не то ассирийское... Ну, все равно! Так это, знаете, как-то тово... умозрительно очень.

Люб. Да, в это надо вчитаться.

Букин. Вот, именно-с! Ну, да ничего, уж я теперь как-нибудь... поприналягу... (*Оборачивается и глядит налево за дом.*) Приехали! Вот-с! (*Становится к сторонке и оправляется.*) Весьма, весьма интересно-с!..

Явление 2

Из-за дома входят Марья Ивановна и Листовская, худощавая, недурная собою дама лет за тридцать в дорожном костюме мужского пошиба. На голове совершенно мужская светло-серая шляпа, мягкая, фетровая. Волосы стрижены и лежат вьющейся шапкой à la garçon на politain.

Листовская (завидя Любку, мчится к ней бегом). Милая беглянка, роскошная, сердце мое! (*Горячие поцелуи.*) И похорошела!.. Ну, ну, повернитесь!.. Что-то новое, страшно новое – в глазах. Тихие-тихие свечечки... И сама – как икона. Стро-огая!.. Говорят, всю весну спасалась у бабушки, в Замоскворечье. Низенький домик, слюдяные оконца, комнатки пахнут кипарисом и ладаном, а кругом тишина, садики, малиновые колокола день и ночь. Каждую субботу – по соседству к Николе Десятнику, что на Куричьих Лапках. Так что ли?.. Милая, милая! (*Поцелуи.*) Отбилась от рук, ну просто – отбилась от рук! (*Опять поцелуй.*) Но что тут у вас произошло, – мне рассказали, прямо битва была...

Люб. Позвольте представить: Бучкин, Анисим Ильич.

Листовская. Очень рада. (*Сует ему руку совсем по-мужски. Оглядывается.*)

Марья Ивановна. Так я, Нина Львовна, вперед, – по хозяйству.

Листовская. Да, да, мы сейчас же за вами.

Марья Ивановна. Любка, – увидимся? Прощайте, Анисим Ильич. Загляните и вы вечерком. (*Уходит.*)

Листовская (*оглядела фасад дома.*). Покажите мне вашу комнату!

Любая. Ничего особенного. Не стоит.
Листовская. Хочу, жажду! Комната характеризует!
Люба (усмехнувшись). Идемте... (Уходят).

Явление 3

Из-за дома входят Листовский и Митя. Бучкин, увидя их, почитательно отходит к сторонке, и они не замечают его. Листовскому лет 35. Тип английского сноба в дороге. Но лицо не из породистых. Никогда не улыбается, вообще же имеет вид человека, неизменно подавленного не то сознанием своего величия, не то хроническою болезнью. Выражение его лица и движения оригинальны главным образом тем, что почти совершенно не реагируют на слова других. Во всяком случае, однако, это отнюдь не *ratoli*.

Митя. Мы вас отсюда поведем сплошным парком, очень старинным. Вон, видите, там, в полугоре, башня видна. Это моя. В ней я живу и работаю. Идеальная типшина!

Листовский. Но не эти последние дни?

Митя. Да-а... (Пауза.) Но и в этих звуках было нечто удивительное. Революционеры придумали остроумную штуку... Их тут была совсем крохотная кучка... А церквей по реке штук шесть, если не больше... (Листовский, видимо, сильно импонирует Мите, и потому он волнуется и торопится.) Отстреливаясь от преследователей, они расположились по всем колокольням и стали поочередно бить в набат. Сначала позвонят на одной – командир туда пушку... Растирался... Бабах! А они уж на другой звонят. Пушка туда... – а они уж на третьей. Да так всю ночь: бом, бом, бом, – бабах! Бом, бом, бом, – бабах!.. А и революционеров-то было, как говорят, не более двух десятков.

Бучкин (осторожно приближившись, вставляет из-за спины Мити). Теперь, по этому случаю, в народе смущение...

Митя (вздрагивает от неожиданности). Фу!.. Анисим Ильич... Как вы меня испугали!.. (Листовский поворачивается к Бучкину и смотрит на него в упор.)

Бучкин. Виноват!.. (Приподнимает фуражку и кланяется Листовскому.)

Митя. Позвольте представить... (Листовский приподнимает в ответ свою дорожную шапочку, но не кланяется.)

Бучкин. Да, так я вот и говорю. Села торговые, богомольные... «По Божиим, говорят, храмам...»

М и т я. Ну, это не важно. А важно, что получилась картина грандиозного восстания, – будто вся долина клокочет волканом... И я в это время сидел на своей башне и слушал... Теперь набрасываю симфоническую картину...

Л и с т о в с к и й (*рассеянно*). Н-на... Интересно... Где же Нина? (*Кричит в пространство. Голос у него при этом, – вообще глухой, – смешно дребезжит.*) Нина! Нина! Мы уж уходим!

Л и с т о в с к а я (*показывается в окне. Досадливо*). Идите! Мы следом. (*Скрывается*.)

Листовский движется по цветнику, как бы действительно желая уйти, но тут же и останавливается. Все эти движения у него резки и странны, как будто он совершенно один в пустой комнате.

М и т я (*стараясь его занять*). Вообще, я вам скажу, у нас тут масса материала для всякого творчества.

Б у ч к и н. Да, уж это именно-с, и для художника также... Тут, знаете, такие виды... или, точнее, так сказать – перспективы на отдаленности... (*Делает жест рукою на дали, как бы приглашая гостя самому убедиться, но тот, стоя к нему в этот момент почти что спиной, не выказывает на это никакого желания.*) Этакие колоритные настроения...

Л и с т о в с к и й. Меня это не интересует. Я график.

Б у ч к и н. Как-с? (*С робким недоумением оборачивается к Мите за помощью.*)

М и т я. Аркадий Иванович – график, то есть более рисовальщик, чем живописец.

Б у ч к и н. Так-с. Для меня... виноват... это пока еще новое, так сказать, слово-образование... (*Пауза. С новым духом.*) Но и для графика весьма много бытовых черт... Типы весьма разнообразные.

Л и с т о в с к и й. Это меня еще менее может интересовать. Был умер.

Б у ч к и н (*тараща глаза*). А – хм... То есть?..

Л и с т о в с к и й. Я сказал ясно: был – умер! (*Отходит.*)

М и т я (*Бучкину, сдерживая сконфуженно-соболезнующую улыбку*). Ну, это я вам как-нибудь после... (*Отходит от Бучкина. Листовскому.*) Милый обыватель, мой старый друг, – жадный поклонник искусства, но несколько...

Л и с т о в с к и й (*решительно*). Пойдемте, пожалуй! Сюда? (*Поднимает Бучкину шапочку. Идет. Потом вдруг останавливается,*

дает Мите пройти вперед, оглядывает его сзади и пытливо проводит ему рукой по спине.) У вас мне чудится интересная линия торса... Я бы взглянул как-нибудь утром, когда вы еще не одеты... если позволите... (Уходит.)

Букин (один. Глядит им вслед, затем спохватывается, быстро вынимает из кармана записную книжку и, слюня карандаш, записывает). «Гра-фик...» (Прячет книжку. Опять смотрит вслед.) «Быт умер...» Как умер? Почему умер?.. (Разводит руками.) Вопросительный и восклицательный знак! (Уходит за дом.)

Явление 4

Люба и Листовская выходят из дома. Вид у гостьи разочарованный.

Люба. Крестьянско-купецкие роды не отличаются памятливостью, так как в наших истоках больше обидного, чем триумфального. Но дед с особенной жадностью добивался купить именно эту гору, — как будто имел от своего деда, через отца, какой-то словесный, страстный завет, и это дает мне основание подозревать, что мой прапрадед, мужик Краюхин, вышел именно из этой долины. Глубоко обиженный князем, он, вероятно, бежал — и вот, длинным кружным путем, через Сибирь и Москву, в лице своего внука, взошел иаконец на этот величественный холм, овладел этим владычным замком... Для чего? Для того ли, чтобы в лице пропранучки стать для этой по-прежнему сермяжной и темной долины заместо князей Алатынских, и только?.. А Бог?

Листовская (*тихо и грустно*). Итак, Никола Десятник — не миф, и мы опять веруем в Бога...

Люба. «Опять?..» Я никогда не переставала ощущать Его в своем сердце.

Листовская. А черные мессы? «Отец мой дьявол?..»

Люба. Дьявол сам был некогда в Боге. Кланяясь дьяволу, я приглядывалась лишь к Его отсветам на нем. Даже отрицая Бога, — ну да, было и это! — я отрицала лишь для того, чтобы прислушаться, какой отзвук даст это в моей душе. И это «нет Бога!» звучало в ней, как в пустой бочке: тупо и так смешно, что охватывал ужас.

Листовская. Так зачем же, по-вашему, вознесся прапрадед в вашем лице на эту вершину?

Люба. «Зачем?..» Ах, если бы знала я это, твердо знала! (*Пауза.*) Ясно пока лишь одно: тянет меня к себе, тянет эта долина — как прорубь самоубийцу...

Л и с т о в с к а я. Вы устали и малодушествуете. Вас смущили события. Я приехала кстати. Я подниму вас и докажу вам, что это все-таки – драка, пустая драка, и только, в которую вам, как и мне, нет никакого смысла мешаться... О, мы еще с вами проведем такое дивное лето!.. (Пауза.) Так что же – идем?

Л ю б а. Идите одна... Я после.

Л и с т о в с к а я. Люба?!

Л ю б а (*раздражаясь*). Идите одна. (Резко.) Идите же! Я сейчас не хочу!.. (Смягчая голос.) Тут не трудно пройти: прямая аллея, – как коридором. (*Листовская, уходя, неоднократно оглядывается. Любя безучастно глядит ей вслед.*)

Явление 5

С т р а н н и к (*идет из-за дома. Веселый, довольный*). Благодарствуйте, барыня! Попил, поел... Уж так-то ублаготворился... Дай вам Господи...

Л ю б а. Куда ж ты теперь?

С т р а н н и к. А так вот... Выйду на дорогу да огляжуся. Высоко тут, – всюду видно... (Пауза.) Так я уж пойду. Простите ради Христа!.. (*Кланяется, хочет идти.*)

Л ю б а. Постой! (*Сходит к нему, слегка обнимает, ведет к скамье.*) Садись рядом. Я хотела спросить... (*Садяется. Пауза.*) Ты уж мне говорил, что ходишь все лето куда глаза поглядят... Скажи ж ты мне, – отчего ты так ходишь? Безродный ты сирота, или... порченый? Не из пустого я любопытства, поверь мне! Скажи, как сестре, как сестре! (*Она очень волнуется.*)

С т р а н н и к (*tronutyy,глядит на нее с любопытством, потом опускает голову*). Сказал бы я тебе, мил человек... За ласку твою... А как сказать?.. Вот тут (*прижимает руку к груди*) много, – а языка нет... (Пауза.) Я не безродный. И отец с матерью, и братья... Ладно живут, работают. А вот я... Не работник я! – вот оно в чем суть дела. И почему это оно? – ума не сложу. Покуда зима, – человек человеком. Что другие, то и я. А как подуло весною, – ну и... Сейчас тебе что-то закрылося в голове – и все забываю и ничего не умею... Послал отец пахать, – а я весь день так иостоял середь поля... Руки-ноги не мои, и голова не моя. И радуюсь это я и солнышку, и ветерку, и пичугам всякиим... Не разглядел, как отец с плеткой пришел... И пороли меня, и наговаривали, – ровно как бы бесчувственный!.. И вот еще: пока зима, – всех люблю.

А как весна, – никого не жалко. Ну, вот, выгнал меня отец, вышел я на дорогу... Мне бы испужаться, либо хоть пожалеть, – а я себе пошел и пошел – и радуюсь... И ничего и никого мне не надо... А только бы так вот все – идти да идти... (Пауза.) (Утирает рукавом пот со лба и лица.) Не умею я вам этого, не умею! Даже пóтом прошибло... Полагаю... – порченый я. (Пауза. Встает.) Прощевайте! Пойду уж...

Люб. а. Погоди, милый, погоди!.. Как зовут-то?

Странник. Терентием.

Люб. а. Пожил бы у нас денька два или три...

Странник. Покорнейше благодарствуйте... (Кланяется.) Только уж нет...

Люб. а. Может, и я бы с тобой. Понимаешь?.. Посох в руку, сумку за спину, – как и ты...

Странник. Что вы, барыня, милая? Вам ли?!

Люб. а. Разве так трудно? Так страшно?

Странник. Трудненько, барыня! Мне-то что!.. А вот вам... Уж я и не знаю...

Люб. а. Ну, ну, иди! Вот, возьми! (Сует ей деньги.)

Странник. Благодарствуйте... (Глядит.) Куда мне столько?..

Люб. а. Бери, бери! Даешь другим... Свечку поставь, – обо мне помолись. Хорошенько, горячо помолись обо мне!.. (Провожает его через пролом. Уходя, он несколько раз оборачивается и удивленно глядит на нее, она же, оставившись одна у пролома, долго глядит ему вслед; когда же он скрылся из виду, стонет и мечется по цветнику.)

Явление 6

Люб. а (одна. Поднимает голову к небу). Вездесущий Боже! Моя душа глубоко скорбит. Ясное слово! Одно прямое, ясное слово, – и я жизнью пожертвую! (Хватается за книгу Толстого, как за якорь спасения. Открыла, читает.) «Все в мире растет, цветет и возвращается к своему корню». Лао-Тсе. Китайский мудрец. (Колокол далеко и внушительно из долины: «Бо-о-мм!..» Пауза.) Не понимаю. Страшно важно и просто и ясно... И колокол: «Да!..» – (опять колокол) и не понимаю... (Бучкин выходит из дома на площадку.) Анисим Ильич, подарите мне эту книгу!

Бучкин. Помилуйте! Смел ли я думать?!. Подойдет ли только к вашему, так сказать, тону мировоззрения? Прописи!

Любах, милый друг! Если бы вы знали, какая я темная, какая темная! (*Колокол в долине начинает равномерно звонить, и так вплоть до закрытия занавеса.*) Научилась читать на всех языках, — а вот азбуку позабыла... (*Закрываая глаза и качая в такт головой, медленно.*) А, — бе, — ве, — де... (*Смеется сквозь слезы.*) Не помню, не помню, — даю вам честное слово!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ II

В усадьбе Ахатовых. Всё кругом по возможности «стиль модерн» хорошего тона. Невысокая крытая веранда, занимающая очень большую правую часть сцены, с тем, однако, чтобы оставалось достаточно места для вида в долину, так как вообще важно, чтобы долина постоянно чувствовалась во всех действиях пьесы. Оттуда по временам, особенно к концу действия, доносится отдаленный мирный благовест.

По крыше веранды идет решетка верхнего балкона. За решеткой видна нижняя часть башни, в которой живет Митя, с дверью, ведущей сюда из нижних помещений, и вычурно витую лестницей, странно лепящейся по внешней стене башни. Самого входа в башню зритель не видит.

Перед верандой цветник, из которого два хода: направо — в парк, налево — во двор, где предполагаются флигель и выезд на дорогу. Соответствующая мебель.

Ясный вечер. К концу действия сгустятся сумерки и дом осветится внутренними огнями.

Явление 1

Василий Ахатов выходит из дома, слегка обнявшись с Листовским. Направляются через цветник к парку.

Василий. Дело ясно. Протекция князя нам обеспечена. Действия открываем в конце октября. В колossalном успехе сомнения нет. С первых же дней возгорится одна из самых страстных полемик. Грубиян Стужин выльет на нас ушаты грязной воды, — тем лучше: в ответ мы объявим наш альманах...

Листовский (нежно гладит руку Василия, свесившуюся ему на грудь через плечо). Какая кожа!.. (Берет его руку своею и прижимает к щеке.) И вообще вы, Ахатовы...

М и т я (*сбегает по лестнице, из башни, на верхний балкон. Видимо нервничает. Перевесился через решетку*). Аркадий Иваныч, куда вы?

Л и с т о в с к и й (*останавливается вполоборота. Василий снял свою руку*). А что?

М и т я. Вы хотели взглянуть на тот сомнительный рисунок Бёрдсли. Помните? Я его откопал и жду вас.

Л и с т о в с к и й. А, хорошо... Сейчас?.. (*Вопросительно глядит на Василия*.)

В а с и л и й. Это, Митя, потом. У нас деловой разговор.

М и т я. Все дела и дела!.. Ты, дядя, своими делами просто засушишь Аркадия Иваныча... (*Пауза. Листовский обнимает за талию Василия, и они продолжают свой путь к парку. Митя глядит им вслед, нервно дергая свои маленькие усы*.) Со стороны посмотреть, – ха-ха! – у вас большие дружеская, нежели деловая беседа.

В а с и л и й (*через плечо, с легким пренебрежением*). Ты сегодня... А впрочем... (*Машет рукою. Уходят. Митя, тряхнув головой, поднимается опять вверх по лестнице*.)

Явление 2

Павел Сергеевич, Арина Федотовна и Бучкин выходят из дома.

А р и н а Ф е д о т о в н а. Так, батюшка Павел Сергеич, по-вашему – продавать.

П а в е л С е р г е е в и ч (*плотный, в меру элегантный, жизнерадостный господин лет 48*). Всеконечно.

А р и н а Ф е д о т о в н а. Такую-то луговину!.. И к тому же обидно. Если б еще до погрома...

П а в е л С е р г е е в и ч. Крестьянская революция прежде всего есть дело практическое. При чем тут разговоры о самолюбии?

А р и н а Ф е д о т о в н а. Вдруг, были помещики, – и вдруг...

П а в е л С е р г е е в и ч. В первую голову, дорогая моя, не помещик, а счастливый человек. Правильно?

А р и н а Ф е д о т о в н а. Да уж что уж.

Б у ч к и н. Счастливый – и просвещенный.

П а в е л С е р г е е в и ч. Само собой, – но об этом после. Я говорю – счастливый. Счастлив тот, кто умеет попасть в тон времени. Сейчас засилие за мелкой озлобленной массой, и его, в той или иной форме, хватит надолго. Им ненавистны латифуиды и владельческие заводы. К чему

же прать против рожна? Мой дед, умный человек, в эпоху латифундий приобрел землю. Отец был тоже не глуп и в эпоху железных дорог и заводов стал сам инженером; провел по земле дорогу, землю продал, а на это построил фабрику. У меня тоже ум не волк съел... – и вот, видите ли, в тот момент, как вам рубят вековой лес и сжигают больницу, меня и пальцем не зацепили. А почему? Потому что у меня уже нет фабрики, при усадьбе лишь сто десятинок, а все дела – в городе, в городе-с! Пока они туда доберутся, успею сто раз помереть собственной смертью в мире и благоденствии.

Арина Федотовна. Так-то так... А все же вот – и о детях забота.

Павел Сергеевич. У детей своя голова.

Арина Федотовна. Хорошо, как есть. А как нету?.. Я ведь к чему... Будем так говорить. У меня детишки, и у вас детишки. Ну, Люба не в счет. Жалко и ее. Как-никак, – своего помету. А все ж – сама себе госпожа. И Митеньку не считаю: молодой юноша, еще не перебесился... Ну, а вот братец ваш, Василий Сергеич? Он хоть и брат, а все ж как бы еще на линии сына. Ну, вот, у него – голова или нет? (Пауза.) Я ведь к чему. Ну, обручим мы их и все прочее. Уж вы меня знаете: слово скажу – назад не возьму. Да ведь сказать-то легко ли!.. Вот вы мне теперь так, просто к разговору, откровенно и объясните, – в какой его разряд записать?

Павел Сергеевич. А по-вашему как?

Арина Федотовна (*досадливо*). Кабы у меня было мнение, я бы не спрашивала. Говорю же вам – не понимаю я их никаких, нынешних молодых людей. По-нашему, по-старинному, вес был человеку простой: не пьет, не играет, с девками осторожен – значит, деловик.

Павел Сергеевич. Мерка хороша по всем временам.

Арина Федотовна. То-то хороша! А что он делает, Васенька ваш? Ну, не пьет, не играет, – а в чем его дело-занятие? Ведь лотошил с утра до ночи и тут, и в городе. Об этом посту побывал в Москве, к нам заглянул. Повертелся – и уже за часы: «Пора уж!» Схватился, – прочь поехал. Допытывалась я, – что за дела? Говорят: выставку чью-то устроил; а то вдруг – лекцию; а то к губернатору, – газете снисхождение выхлопотать... Да толк ему с этого какой? Диви бы сам был художник или там литератор, либо что. А то ведь Бог ему дарований таких будто и не дал... Спрашиваю как-то его самого: «Что же вам за это, жалованье дают?» Засмеялся. «Нет, – говорит, – а просто – люблю это дело...» Ну, вот вы и скажите мне, батюшка, – как же мне быть-то? У Веруньки

свой капитал, отцовский; у Василия от покойника вашего батюшки тоже есть кое-что. Ну, думаю, соединят это они капиталы, — да и спустят во славу искусства; так по крайности будет тогда, где голову приютить... Для них ведь живу. А как продам заранее да в капитал превращу... Ох, головушка! Верите, милый, по ночам плохо спать стала!.. Так вот вы и научите меня, дуру ветхозаветную. Может, у него тоже это — дело, и даже настоящее дело, а мне не видать.

Павел Сергеевич. Значит, все-таки и сами некоторым образом сомневаетесь?

Арина Федотовна. На вас, милый, гляжу. Человек вы поистине деловитый, — а спокойны. Ведь спокойны?

Павел Сергеевич. Весьма!

Арина Федотовна. Ну, вот, смотрю на вас — и мекаю...

Павел Сергеевич (*подумав*). Это очень тонкий вопрос... Как бы вам понаглядней?.. (*Опять подумал*.) Когда мой отец задумал переход от латифундии к ремеслу инженера, то наверно дед глядел на это с тайной опаской: дескать, неужели узкая лента железной дороги или хрупкое здание завода, полное огня, могут оказаться матерее и безопаснее матушки-землицы? Еще больше раскрыл бы глаза мой отец, — если бы дожил, — видя, как я с легким сердцем разменял его собственные устои на массу мелких, эфемерных делишек: там подряд, тут служба, а то вдруг акционерство в чужой афере... Я это, видите ли, к тому, что ценности утончаются вместе с общим прогрессом культурного общества и, кто знает? — может быть, у наших правнуков самыми твердыми акциями на бирже будут акции «Русского общества передачи альпийского воздуха и итальянского солнца»... Ну, это я к смеху, конечно... Василий еще до этого не дошел, но он не дурак; о, нет; он что-то чует!

Бучкин. Слушать вас, уважаемый Павел Сергеевич, — сущее наслаждение!

Павел Сергеевич (*увлекаясь*). Человеческий интеллект и вообще вся духовная жизнь европейского общества в последнее время так напряглась, так сгостила, что сама стала как бы материей, — так сказать, земля над землей. На этой новой ниве, как и на нашей, простецкой, также произрастают и пшеница, и хризантемы там всякие, и ичиофоры, и рожь. А что если Василий приглядывается сейчас не к пустякам, а к таким тучным землицам и, того и гляди, приобретет себе, так сказать... духовную латифундию?..

Бучкин. Ну, просто — музыкант и поэт практических умозрений!

Арина Федотовна (*поднимается*). Да уж и впрямь. На это вас взять... А все же... (*Пауза.*) Вон, солнце село. Пора по домам.

Павел Сергеевич. Погодите, я велю кабриолет заложить.

Арина Федотовна. Спасибо. Тем и жива, что много хожу. У нас все в роду так. Да и недалеко. Прощайте, батюшка, спасибо за разговор... Что же не видать Марии Ивановны?

Букин. Дамы купаются.

Арина Федотовна. Ну, поклонитесь. (*Уходит парком.*)

Букин. А то еще, Павел Сергеевич... сказали вы, — духовная жизнь утончилась... Действительно! Вот, например, до нынешнего лета я все и всех понимал. Вот жили у вас другие, разные... — и я иной раз уже и с трудом, — но понимал. Теперь же масса таких, знаете, словообразований... Раскроешь, скажем, журнал или книжицу...

Явление 3

Марья Ивановна и Листовская входят слева. За ними горничная несет простыни.

Марья Ивановна. Ну как же она меня ущипнула!.. И сейчас больно. (*Листовская смеется.*) Поль, взгляни, наверно синяк? (*Обнажает плечо.*)

Павел Сергеевич (*смотрит*). Ого!

Марья Ивановна (*Листовской*). Шалунья! (*Горячий поцелуй.*)

Листовская. А вы не будьте такою вкусною... Но как вы по-разительно сохранились! Не тело, а бархат. (*Павлу Сергеевичу.*) И какой бюст до сих пор!..

Марья Ивановна. Это я с вами помолодела... Ах, Поль, ты просто себе не можешь представить, сколько жизни и такого, понимаешь ли, *вгіо* в этой кабинетной работнице, ученой и поэтессе... (*Листовской.*) Сущий овод! С вами и старуха проснется!..

Листовская (*вглядывается в парк. Радостно*). Кто это там? Любя?.. (*Разочарованно.*) Нет, Вера.

Явление 4

Вера *входит из парка. Лицо грустное, беспокойное.*

Листовская. А ваша сестра?

Вера. Любя получила вашу записку. Сейчас придет. (*Пауза.*) А

Василий Сергеевич... не с вами?

Л и с т о в с к а я . Нет.

М и т я (*опять появляется на балконе*). Аркадия Ивановича все еще нет?.. Здравствуйте, Вера.

В е р а . Здравствуйте. Вы не знаете, где Василий Сергеевич?

М и т я . С Аркадием Ивановичем в парке. (*Сардонически.*) Деловой разговор! (*Крутит ус и остается на балконе, прислоняясь спиной к башне.*)

Л и с т о в с к а я (*Vere*). Так вы говорите, – сейчас? (*Устремляется к парку.*)

В е р а . Куда вы?

Л и с т о в с к а я . Ей навстречу.

В е р а (*быстро*). Я тоже с вами! (*Идет следом за нею.*)

Л и с т о в с к а я (*резко меняя намерение, идет назад*). Нет, пе хочу. Лучше переоденусь... (*Уходит в дом. Вера смотрит ей вслед подозрительно и недружелюбно.*)

М а р ь я И в а н о в на . Веруя, что с вами? (*Целует ее.*) Ревнем?.. (*Движение Веры.*) Уверяю вас, – ничего подобного! Нина Львовна вечно со мной или с Любой. О, вы совсем ее не понимаете, детка моя!

П а в е л С е р г е е в и ч . Мари, что же чай?

М а р ь я И в а н о в на . Вероятно, готов... (*Vere.*) Кстати, пойдемте, – я покажу вам новый сервис. (*Идут.*)

П а в е л С е р г е е в и ч (*вслед Марье Ивановне*). Разве не на веранде?

М а р ь я И в а н о в на (*с веранды*). Chéri, – невозможно! Аркадий Иваныч находит, что вечера слишком сыры. (*Уходит с Верою.*)

П а в е л С е р г е е в и ч (*разводя руками, Бучкину*). Современная молодежь! А?

Б у ч к и н . Да-с. Несколько излишне изощренная нервная организация... (*Глядит на часы.*) Однако пора уж. Весьма запозднился. Будьте здоровы.

П а в е л С е р г е е в и ч . До свидания. Кстати, Анисим Ильич, скажите там по дороге, чтобы дали мне чаю со сдачей. (*Глядит налево и видит Мелкова.*) Кстати, и Николаю Степановичу.

(*Бучкин уходит в дом.*)

Явление 5

Мелков идет слева. Вид весьма поспавшего человека.

Павел Сергеевич. Однако, брат, прежде ты был как-то бодрее. С каких это пор ты взял привычку спать после обеда?

Мелков. Во флигеле тишина... Ну и того... (*Смачно зевает.*)

Митя (*все время остававшийся на верхнем балконе, склоняется к решетке. Насмешливо.*) Я заметил, что сонливость нападает решительно на всех наших гостей, которых переселяют во флигель. Должно быть, уж там атмосфера такая.

Мелков (*поднимает голову*). А! И вы здесь, мой юный недруг?

Митя. Ты помнишь, папа, как в прошлом году спал этот бедный идеалист... – как его?.. ну, тот маленький, щуплый... Просто какой-то род летаргии.

Мелков. Это, конечно, символ?

Митя. Пожалуй...

Мелков. Хм!.. (*Пауза.*) Черт знает, как все в этом доме стало символично! Вот вы теперь там, наверху, – а я внизу и, для того чтобы поддерживать с вами беседу, должен драть голову вверх... Ой-ой, не перегибайтесь так сильно: неравно грохнетесь и расшибетесь!

Митя. Это, надеюсь, тоже символический намек?

Мелков. Да-с. Нынешний ваш успех, г. торжествующий Треплев, есть успех кратковременный, ибо основан на весьма прискорбном недоразумении.

Митя. А именно, г. Тригорин-во-прахе?

(Феня выносит из дома чай, ставит его перед господами на столике у рампы и уходит обратно.)

Павел Сергеевич. Господа полемисты, я не прочь послушать за чаем словесный турнир, – тем более что вас весьма кстати разделяет пространство, – но, к сожалению, вы стали на почву для меня неизвестную.

Мелков. Это у нас продолжение утреннего. Я спросил юношу, за что он так систематически враждебен ко мне. Он же стал в позу и, простирая десницу, торжественно возгласил: «Я – Треплев!»

Павел Сергеевич. Это что ж за фамилия?

Мелков. Ты не знаешь чеховской «Чайки»?

Павел Сергеевич. Признаюсь, не удосужился.

Мелков. Ну, видишь ли, «Чайка» написана как раз в ту пору, когда все эти новые движения едва начинались, и там два типа: пред-

ставитель установившихся форм Тригорин, который торжествует, и декадент Треплев... довольно бездарный юнец, который за это ненавидит Тригорина и тем не менее гибнет жалостной смертью.

М и т я. Ныне ж оказывается, что камень, отверженный всеми, не только не погиб, но лег во главе угла. Этого факта не отрицает... не может отрицать даже поверженный в свой черед господин Тригорин. Но ему угодно доказать, что все это лишь плод какого-то недоразумения, — я слушаю.

М е л к о в. Извольте-с! В пьесе два типа существ: чайки — и люди, которые могут убить и даже, действительно, убивают этих унылых птичек, зря, как хотят. Верно?

М и т я. Так. Дальше.

М е л к о в. Причем чайки представлены в крайне симпатичных чертах, а люди — как люди, без всяких прикрас. И обратите внимание, что всем им, людям, сама судьба помогает. Аркадина неувядаема, Тригорину поклоняется не только Россия, но даже и загубленная им Нина до конца своих дней. Почему это так? Не подчеркнул ли этим сам автор...

М и т я. Потому что они пошляки! Или вы думаете, что автор наградил их за добродетель? Он-то лично уж, конечно, за чаек!

М е л к о в. Не вижу.

М и т я. Не виноват, что вы слепы!

М е л к о в. Позвольте-с! А почему он всю эту в сущности ужасную драму Нины и Треплева обозвал комедией?

М и т я. То есть как это «обозвал»?

М е л к о в. А вот так! Книга со мною, Павел, засвидетельствуй!

П а в е л С е р г е е в и ч (глядит). Да. Комедия в 4 действиях.

М е л к о в (торжествуя). Антон Павлович, мягкий мудрец, деликатнейшим намеком, на вашем же излюбленном символическом диалекте, хотел вас предупредить, — всех жалких Треплевых, — что вы идете к гибели, и гибели глупой, птичьей, бесславной... Вольно же было вам и всему обществу иначе понять!

П а в е л С е р г е е в и ч. А знаешь, — того... — остроумно! Отчего бы тебе не написать фельетона?

М е л к о в. И напишу!

М и т я (тряхнув головою, высокомерно). В душу автору я не заглядывал. Но если бы даже он хотел сказать именно так, как хочется вам, — это не важно. Важно то, что из этого вышло. Все-таки я,

Треплев, загубленный вами, мистически воскрес и стою сейчас, живой и здоровый, здесь, наверху...

М е л к о в. Вы наверху, потому что у вас папаша богат и слишком вас балует. Это не в счет.

М и т я. А Листовские? Вы знаете, что Листовские – нищие? Блестящая Нина Листовская погибла бы, если б ее не поддержала Люба Лесная.

М е л к о в. Ну вот, вы же сами сказали: они богаты подачками меценатов.

М и т я. Да почему же им меценатствуют?

М е л к о в. Потому что они шарлатаны! Буржуазные эпатанты!
Épatez, épatez les sots bourgeois, – il en restera toujours quelque chose!.. (*Хлопает себя по карману.*)

М и т я (*спокойно*). Озлобленная рухлядь, смешная и жалкая машина допотопного образца...

М е л к о в (*выходя из себя*). Мальчишка!.. (*Встает и падает обратно на стул, хватаясь рукою за сердце.*)

Явление 6

Листовский и Василий входят из парка.

П а в е л С е р г е е в и ч. Митька, свинья, замолчи! (*Бросается к Мелкову.*)

М и т я (*не обращая больше внимания на оскорбленного, воззрился на входящих. Со вздохом облегчения*). Ну вот, наконец-то! (*Бросается в дверь, ведущую вниз.*)

В а с и л и й. Что тут такое? (*Подходит к Мелкову.*) Что с ним?
Бледен как полотно.

М е л к о в. Пустяки... Сердце...

П а в е л С е р г е е в и ч. Поганый мальчишка! В самом деле, надо будет его... сократить, что ли...

М и т я (*показывается внизу на веранде*). Дядя Вася, Вера тебя ждет целый час.

В а с и л и й. Где?

М и т я. В доме. Мать утешает ее чайным сервисом. (*Василий идет. Митя вслед ему, злобно.*) Тоже – жених!..

В а с и л и й. Что с тобою сегодня? Левой ногой встал?.. (*Уходит в дом.*)

М и т я (*сбегает к Листовскому, берет его за обе руки и глядит ему в лицо обожающим взглядом*). Мой теперь, мой на весь вечер!.. Я из-за вас тут с мирным гражданином чуть не подрался...

Л и с т о в с к и й (*с благосклонною ласкою*). Зачем же так нервничать, Отелло вы этакий?.. Чаю хочу.

М и т я. Идемте, идемте! (*Идут.*) А потом ко мне, в башню! Да? Я вам буду сегодня играть и петь... – как никогда! (*Уходят.*)

П а в е л С е р г е е в и ч (*Мелкову*). Ну что, как теперь?

М е л к о в. Отлегло. (*Пауза.*) Знаешь, мой друг... Тебе лично я весьма благодарен... Но, если бы одно обстоятельство, – моей ноги завтра же не было бы в этом доме! – благодаря этим выходкам... И флигелью вообще... Тебе, по-приятельски, могу откровенно... Ну, скажем прямо, – я в значительном денежном затруднении. В былье годы привык половину лета проводить в Мариенбаде; этот год чувствую в нем особенную потребность, – и вот, не могу...

П а в е л С е р г е е в и ч. Пережди месяц, – я дам, пожалуй.

М е л к о в. Да, но, видишь ли, я так затруднен... Боюсь занимать, ибо не знаю, когда это кончится... Между нами, – старые журналы, где я свой человек, дышат на ладан; театры, еще недавно солидные, тоже горят... Торжествуют лишь фарс и декадентщина, а нашему брату, объективному труженику... Порою просто, знаешь, – до слез!.. (*Пауза.*)

Явление 7

Листовская выходит из дома. На ней длинное, очень светлое платье весьма фантастического покроя, на голове золотистый длиннокудрый парик. Движения медлительны, в лице грусть и истома. Ее вид вызывает в Мелкове новый взрыв раздражения.

М е л к о в. Вот вам пример!.. Нина Львовна, очаровательная, разрешите скромный вопрос: что за причина этих ваших переряживаний? То вы мальчишка-неаполитанец, то вдруг *princesse lointaine*. Скажите хоть раз со всею искренностью!

Л и с т о в с к а я. Я всегда искренна. Мой костюм соответствует моему настроению. Час назад я чувствовала себя резвой и бодрой, как сорванец двенадцати лет. Теперь золотой меланхолический вечер, мне грустно, – и вот...

М е л к о в. Враки! Все ваши желания – эпатировать буржуа.

Л и с т о в с к а я. Правда, в этом тоже есть своя прелесть. Но сосредоточивать все только на этом... – слишком много чести для обезьян.

Павел Сергеевич. Кого это вы так величаете?

Листовская. Буржуев.

Павел Сергеевич. А кто же это, по-вашему?

Листовская (*спокойно, прямо в глаза*). Вы, например. Типичный, холеный, парниковый.

Мелков (*хочет*). Прими! Я – от твоего сына, а ты – от его гостьи. Компания – невеличка, но... не без наглости!

Павел Сергеевич (*после паузы*). Не отрицаюсь, я буржуй. Но... (*горячится*) черт возьми! Социалисты нам в морду – «буржуй»! Декаденты – тоже за ними... Нет-с, извините-с! Уж если на то пошло, так это мы, «третий элемент» земских сил... – ну, одним словом, рабочие интеллигенты, – вот кто вам сделал революцию... и эволюцию... и всё! Да-с! И не вам, пожинателям минуты, взирать на нас сверху вниз. Вы валите лишь то, что нами, – нами-с, в первую голову-с, – уже подточено и расшатано. Вот что-с! А что мы кроме всякой этой идейности и всего такого прочего еще и практики, то это только делает честь нашему уму. Х-ха! «Буржуи...» Подумаешь, – ужасное слово! Ничего ужасного, ничего-с! Либеральный буржуй, правоверный либеральный буржуй, – это тот необходимый редут, отлично оборудованная баррикада, без которой все эти революционеры и всякие этакие мистические анархисты – или как там еще вас?.. – остались бы среди чистого поля, и неприятель смел бы вас своими пулеметами, как метлой. Да-с! Не правду я говорю, не правду-с?

Листовская. Истинную.

Павел Сергеевич. То-то! А вы – «обезьяна»...

Листовская. Беру это слово назад, милый Павел Сергеевич. Не обезьяна, а бочка.

Павел Сергеевич. ?!.

Листовская. Это случилось в Париже, 14 июля. Венчаемый народом, человек стоял высоко на баррикаде, и все были довольны, – кроме старой рассевшейся бочки, наполненной сором и вкрапленной в баррикаду. Она ворчала: «Если б не я, его бы давно убили, – они же меня попирают ногами...» (*Отходит. Вглядывается в парк.*) Люба не приходила?

Павел Сергеевич (*ей вслед*). Согласитесь, однако, что нет существа более терпимого и справедливого, чем буржуй. Остроумцы-художники колют его и оскорбляют со всех сторон: и в журналах, и со сцены, и на каждом шагу, – но, ценя таланты, он же им рукоплещет,

наполняет театры, создает журналам успех... и даже любезно предоставляет им лучшие апартаменты в собственном доме.

Листовская. Это правда. И это действительно несколько возышает его над бочкой.. (*Пауза. Опять пристальноглядывается в парк. Встрепенулась: увидела вдалеке Любу.*) А, наконец-то! (*Бежит в парк.*)

Явление 8

Мелков (*после паузы*). Вот мягкотелости достойные плоды! Пожди, – не то еще будет...

Павел Сергеевич (*с юмористическим вздохом*). Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы... не надоедало родителям... А в этом смысле они все-таки, право, очень милы, – по крайней мере сравнительно с прежними. Нет, я доволен.

Мелков. Твое довольство – как ватный панцирь в сажень толщины.

Павел Сергеевич. Нет, видишь ли... За признание – признание... Моя забота прежде всего – Марья Ивановна. Ведь у этих дам все эти идеиные увлечения все-таки, в конце концов, сводятся к полу. Чистый социализм кончается социал-демократом Иван Иванычем, и так далее. С нашим гостем позапрошлого года так бы и кончилось, если бы его, к моей нечаянной радости, не арестовали в пути. А этот идеалист!.. Ведь хорошо, что я его подглядел с Акулей, дочкой скотницы, и вывел на чистую воду. А то бы – как пить дать! даром что дунуть не на что... Да что греха таить!.. Дело прошлое... В четвертом году, когда ты был еще на вершине...

Мелков. Хм... Неужели подозревал?.. А по виду...

Павел Сергеевич. Голубчик! Пережито было, – ой-ой! И ведь, сознайся, – быть бы мне тогда с этим (*жест пальцами ко лбу*), – если бы не подвернулась тебе эта актриска, – пошли ей, Господи, вечную память!.. Что? Правда?.. (*Мелков молчит.*) А! То-то!.. (*Пауза.*) Эти, брат, мне идеиные увлечения вот где сидят.

Мелков. Все-таки Марья Ивановна – весьма порядочный человек.

Павел Сергеевич. Безусловно! Мила, простосердечна, à fond честна... Но ведь ребенок! – и потому я вечно как на волкане... А тут приехали... – помилуй, совсем какие-то бесполые существа! Уж я наблюдало и так и этак, – вечно, братец ты мой, как в церкви у старообряд-

цев: Маничка с Ниночкой, Ниночка с Любочкой, Митя ревнует Аркашу к Васеньке... Эге, братец ты мой, – благодать!.. Нет, я очень доволен! А что презирают... – пусть себе презирают! Зато спокойно... (Пауза.) А не поехать ли сиротам в городок? Кстати, я, вероятно, встречусь с деловым человеком... Там, говорят, шансонеточки... Одна, брат, мулатка... – брр!..А?.. (Подмигивает и тычет приятеля пальцем в бок.) Флигельному старообрядцу не мешало бы освежиться. А?..

М е л к о в. Так вот, говорю же тебе...

П а в е л С е р г е е в и ч. На серьезное дело сотняга всегда набежит.

М е л к о в (после паузы). Пожалуй... (Пауза. Идут налево. С глубоким вздохом.) И напьюсь я сегодня!.. (Уходят обнявшись.)

Явление 9

Листовский и Митя всходят снизу на верхний балкон. Листовский, остановясь у решетки, вперился вдаль. Несколько едва слышных колокольных ударов.

М и т я. Ну же, идемте!

Л и с т о в с к и й. Постойте. Дивное кровавое облако... Волнистая линия – и стелется, стелется... (Пауза.) Митя! Я ревности не люблю. Василий Сергеевич – деловой человек... И к тому же... (С неожиданным чувством.) Разве я могу предпочесть вам кого бы то ни было? Нежный, странный, гибкий, капризный, подобный вот этой кровавой линии... Вы прекрасны, Митя, да, вы прекрасны!.. (Пауза. Уходят в банию.)

Явление 10

Василий и Вера, об руку, выходят из дома.

В а с и л и й. Мы прокатимся по верхней дороге. Хочешь?

В е р а (жметься к нему). С тобою у меня нет никаких личных желаний... Вася, мне страшно, что я так люблю тебя!..

В а с и л и й. Чего же страшно?

В е р а. Я слишком еще молода, но читала и слышала и верю, что это так: из двух любящих тот, кто любит сильней, – осужден на страдание. Но я люблю в первый раз, так еще неловка, так неопытна... Что ж делать, что делать, если я не могу, не умею скрыть ни одной крохи своих чувств? Вася, бесценный, какое страдание!.. (Приспадает к его плечу головою.)

В а с и л и й (*обнимает ее*). Ну к чему же это, голубка, к чему? Да разве я тебя не люблю?.. Ты просто – ревнивица, и это нехорошо. Ведь вот вздумала ревновать к Нине Львовне... Разве тебе не доказала Мари?

В е р а. Да, доказала. И все же... Право, не знаю... Теперь я тебя ревную к мужу. Ему-то – уж это верно! – ты уделяешь внимания гораздо больше, нежели мне. Это даже и Митя заметил.

В а с и л и й. Чудачка! (*Досадливо*.) Ну вот, изволь теперь объяснять этой ревнивой головке каждый свой шаг! Ведь у меня с Листовским дела, которые касаются не меня одного. С осени мы поселимся в Петербурге. Я хочу, чтобы наше гнездо было полною чашей. Листовские – центр, к которому теперь стекается все... Ну, начинаешь понимать? Я хочу, чтобы у моей Веруны, у моего бриллиантика, была достойная оправа в виде салона *exquis*, чтобы вокруг Веры Ахатовой сплотилось самое изящное, самое изысканное общество во всем городе. Ну? Поняла? Глупенькая!.. (*Пауза. Она молча целует ему руку. Он ее – в голову.*) Идем же. Кабриолет, наверно, готов.

(*Уходят налево.*)

Явление 11

Люба, с книгой в руке, и Листовская входят из парка.

Л ю б а. Я прочла ваше письмо. Вам все еще не надоело тревожить меня?

Л и с т о в с к а я. «Не надоело...» Мне тошно без вас! Жить так близко – и сознавать так далеко... (*Пауза.*) Что вы сегодня делали, о чем размышляли?

Л ю б а. Все о том же. Сейчас медленно шла сюда краем парка, глядела в долину. Они сегодня так складно скликались...

Л и с т о в с к а я. Кто – они?

Л ю б а. Долина и мое сердце. Завтра праздник, церкви звонят... (*Отдаленный удар колокола.*) Вот и сейчас. Слышите?.. (*Новый удар.* Болезненно стонет, вытянув шею и прижимая руку к груди.)

Л и с т о в с к а я (*резко*). Я всегда презирала вашу долину, – теперь ненавижу! Она только издали хороша; вблизи же – болото, грязь, суэта, тупоголовые мужики, чехарда социалистов с начальством. И добро бы они победили... Сыграют лишь в руку тем же буржуям, как и везде, во всем мире.

Л ю б а. Чтó будет, как будет, – никто не знает. Важно, что все пришло в колебание.

Л и с т о в с к а я. Что вас тянет туда? Агитация? Философия?
(Молчание.) Да говорите же!

Л ю б а. Зачем вам этот допрос?

Л и с т о в с к а я. Я имею на него право, потому что вы слишком много значили в моей жизни... (*Ровным голосом, но полным подавляемой страсти.*) Любая, вспомни дивные страшные ночи... Неужели все миновало навеки? (*Видя, что Люба пребывает по-прежнему отчужденной, резко переходит в холодный тон.*) Наконец, я требую на правах друга, товарища по интеллекту. Кто достиг вершины сознания, не должен, не имеет идти наобум. Отвечайте же, отвечайте ясно, определенно!

Л ю б а. «Разум, который можно уразуметь, не есть вечный разум. Имя, которое можно назвать, не есть вечное имя».

Л и с т о в с к а я. Не отделяйтесь красивыми фразами!

Л ю б а. Это не фраза: это великий колокол вечности, Лао-Тсе. (*Эту цитату, как и последующие, Люба произносит на память, не раскрывая книги.*)

Л и с т о в с к а я. Определенное!

Л ю б а. Помните нашу первую здешнюю встречу? Я спросила тогда, зачем прародитель вознес меня на высокую гору. С тем же вопросом я потом возвзывала к небу, открыла вот эту книгу – сокровищницу мудрейших, собранную Львом Толстым в минуты тяжкой болезни, – и оттуда, из глубочайшей долины веков, прозвучало мне слово: «Все в мире растет, цветет и возвращается к своему корню». Я поняла не сразу, но уже чуяла, что здесь – истина. И с той поры день и ночь я взываю к этой долине веков, внимательно слушаю ее ответные зовы и мало-помалу начинаю их понимать. И эта долина, – наша долина, – вечно гудит подтверждение своими малыми колоколами... (*Звон.*) Слышите?.. Службы кончаются. Идут по домам... Эти колокола не случайны: сам Господь колеблет для меня их языки.

Л и с т о в с к а я (*вглядывается в нее*). Даже бледная стала... Вы больны, Любая; я вижу теперь, – вы больны!

Л ю б а. Если одержимую Богом можно назвать больною, – вы правы. Но... (*Звон продолжается.*) Слушайте, слушайте!

Л и с т о в с к а я. Я слышу лишь звон. Где слова?

Л ю б а. Лао-Тсе еще говорит: «Святой человек не имеет своих чувств. Его чувствами становятся чувства народа». Это же подтверждает Марк Аврелий. Еще яснее два слова Талмуда: «Только то истинное добро и благо, что добро и благо для всех». И – второе: «Слова учения прочны

лишь у того, кто отрекся от своей личности». Да и не вся ли жизнь такова? Не для того ли Господь возносит человека из таинственного небытия на вершину сознания, чтобы погрузить его снова в то же небытие?..

Листовская. Что-то уж слишком... просто!

Любая. «Высший разум всегда очень прост, но люди предпочитают путаться по обходным дорожкам».

Листовская. Итак, вы отрицаете личность... Вы, – которая так недавно... Любя! Вы и впрямь заболели. Проверьте сами! Оглянитесь назад. За несколько лет – какие метания, какие этапы! От япончины к смоленскому кустарю, – от кустаря к Бёрдсли. От Горького к Метерлинку, – от Метерлинка к Уайльду. Из Мюнхена и Парижа – прямо в Замоскворечье, оттуда – к Бебелю; через полгода – на Волгу, к старообрядцам, от них – сюда, в квартиру к эсерам; и вдруг прогнали их – и вот уж Толстой. Ведь это же лихорадка, ясно выраженная лихорадка... (Вдруг, с досадой.) Или самодурство сътой купчихи!

Любая. Вам застит глаза обида за то, что я от вас отхожу. Какая душа в России не мечется по нынешним временам? Но не всякое метание видно. Разница между мной и другим любым обывателем разве лишь в том, что он не может, как я; а если бы мог, конечно, делал бы то же. Я типичная русская душа, мечты и мысли которой получили возможность быстрого воплощения. Благодаря состоянию у меня огромное ухо, огромный глаз, огромные руки и ноги, – и я вся... (с изумлением) действительно, я вся огромная, все вижу и слышу, всюду могу шагнуть и все сделать...

Листовская. Да, это так. Но если вы это приписываете одним только деньгам, то... (встает) ваша неблагодарность также огромна! Мало ли есть на свете богатых пигмеев? Вспомните, что вы такое были сами до знакомства со мною! Из золотой пигмейки вы превратились в огромную Любю Лесную благодаря лишь духовной свободе, а эту свободу вам дали не деньги, а мы, нищие светолюбцы. Мы многим обязаны вам, но за каждый ваш золотой мы вам платили полным духовным червонцем, то есть сторицей. Мы выгнали из вас всякую отцовскую плесень и пыль, всех ваших наследственных инфузорных божков, мертвые обрядности, ложное смижение – словом, все, что делало вас слепою, слабою, сонною. Благодаря нам вы порвали путы, которых иначе не могли разорвать, – и вот за это вы благодарите не нас, а ваши поганые, купецкие рубли... Неблагодарная, неблагодарная! (Тяжело дышит, готовая плакать.)

Любая. Прости. Ты права. Дай руку. Ну, не сердись же! Нельзя же ставить в вину ошибку в слове, – тем более что эта ошибка взята назад.

Л и с т о в с к а я. «Взята назад...» Чтò мне в твоем словесном признании, если на деле... Люба! Я на коленях. Я умоляю, божественная, великолепная! Я сегодня прогоню мужа... Мы всю ночь будем говорить... Любочка, Любочка!..

Л ю б а (*после паузы*). Н-нет!

Л и с т о в с к а я (*по-прежнему на коленях*). Чего ты ищешь вне нас? Какого нового слова? Поверь, что нигде уж ты его не найдешь, потому что только наш путь ведет к последнему слову.

Л ю б а. К последнему?

Л и с т о в с к а я. Да.

Л ю б а. Не дальше? Я хочу дальше.

Л и с т о в с к а я. Что же дальше конца?

Л ю б а. Вечность! (*Маленькая пауза, потом весь разговор идет гораздо более быстрым темпом.*) Вот, наконец я нашла мой ответ. Дорогие учителя, я была бы вам плохой ученицей, если б не знала предела, после которого пора отходить на отдельный, свой путь. Вы были когда-нибудь на заводе? Быстро, горячо, энергично вертится сотня мелких колесиков для того, чтобы маховое колесо совершило один оборот. Были вы на античных раскопках? Из-под наносных слоев, подчас живописных и интересных, все же обнажаются древние, классические постройки и статуи. Так точно после революций идейных и социальных, после «модерна», где-то наконец должно обнажиться вечное, простое, первозданное слово. И этого слова я жду не от вас. Умные, изощренные, смелые, вы – временщики, захватившие власть, пока спал царь-народ, и ведете себя как истие временщики: больше интересуетесь движениями иностранных держав, нежели собственного отечества, охотнее и складнее говорите по-египетски, но не по-русски. Для вас, конечно, «быт умер»! Но ваше слово было потуда, покуда не проснулся царь от своей летаргии. Теперь же, когда звучит глас царя...

Л и с т о в с к а я. О! Вы слыхали его глас? Мое ухо не грубей вящего, но я слышу покамест лишь бессвязные вопли, дикие пожары, расстрелы и виселицы.

Л ю б а. Из воплей рождается слово, – и оно уже на устах у него, моего господина...

(*Сверху из башни доносится прелюдия вычурного романса и потом голос поющего Мити, – очень хороший голос, хватающий за душу.*)

Л ю б а (*подняв голову, несколько мгновений слушает*). Временщики! Сытые и сильные без подвига, милостью деспота и банкира. – И вот ва-

ша жизнь, дошедшая до озорства! Народ, нищий или богатый, творит всегда сам.

Л и с т о в с к а я (*усиливаясь быть насмешливой*). Блудная дочьозвращается к отцовскому очагу...

Л ю б а. Да!.. Годы и годы грелась у чужих очагов, молилась у чужих алтарей... Всякому старому отцовскому святыню сказано всякое «Нет»; и вот – устала скитаться... «Дикие вопли, пожары, кровопролития...» Нет, не дикие, а святые. Это народ зажигает наконец с вои алтари, окропляет их с вою жертвенной кровью, запевает с вои гимны... – и вот начинает обнажаться великое, обновленное, народное «Да». (*Особенно гулко и ясно, волною, наносит ветром новые удары многих, разнообразных колоколов, которые вторгаются в музыку Мити дикой и странной симфонией. Люба в экстазе.*) Народ зазвучал! Слушайте звук народа, звук народа! (*Музыка в башне, как бы уставши бороться с подавляющим гулом колоколов, обрывается на полуфразе.*) Талантливые перлы!

Л и с т о в с к а я (*бледная, валится на скамью, рвет на себе ворот*).
Замолчи! Замолчи! Ты давишь меня, давишь смертельным кошмаром!..

Явление 12

Листовский и Митя сходят по лестнице, рисуясь черными силуэтами на темнеющем небе. Листовский сошел совсем на балкон, а Митя остался на лестнице.

М и т я. Проклятые колокольни, – как растрезвонились!..

Л и с т о в с к и й (*перегибается через решетку*). Нина, ты здесь?..
Нина – ты?

Л и с т о в с к а я (*слабым голосом*). Я.

(Колокола вдруг умолкли почти все разом, и только один, самый отдаленный, еще продолжает свой звон, едва слышный, но упрямый, до закрытия занавеса.)

М и т я. Ну, наконец! Слава Богу!

Л и с т о в с к и й. Ночуй сегодня одна. Мы будем всю ночь музировать... И вообще...

Л и с т о в с к а я. Хорошо...

М и т я. Идемте. Умолкли. (*Оба уходят обратно в башню.*)

Явление 13

М а р ь я И в а н о в на (*выходит на веранду. Грустная*). Опять я одна ночую... Поль уехал, вернется к утру, конечно выпивши... В таком состоянии он особенно страстен... А я не выношу этого запаха мадеры... Кислою карамелью...

Л и с т о в с к а я. Я тоже одна... Если не останется Люба... (*С мольбою оглядывается туда, где стояла Люба, но она уж исчезла в парке. Зарыдав, бросается с порывом к Марье Ивановне.*) Идите ко мне спать, ко мне!.. – или я задохнусь!..

М а р ь я И в а н о в на. Что с вами?

Л и с т о в с к а я. Она мне душу разбила... Если вы не останетесь... Кто-нибудь должен со мной остаться, – или я с ума сойду... пешком убегу!.. Вы милая, вы простодушная... Я хочу голову к вам на грудь!..

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ III

Декорация второго действия. Именины Марии Ивановны. Обед на веранде. Вся компания, кроме Любы. Марья Ивановна сидит в голове стола в светлом платье. По ее правую руку Арина Федотовна, по левую – Листовская, в капризно-красивом, но как будто несколько траурном костюме. Рядом с Ариной Федотовной сидит Листовский, затем Вера и Василий; рядом с Листовской – Мелков, Бучкин и Митя. Павел Сергеевич – на противоположном конце от хозяйствки. Лакей Илья разливает шампанское.

Несмотря на праздничность обстановки, лица у большинства далеко не радостные, – особенно у Мити и его матери.

Явление 1

В е р а. Митя, передайте мне сахар.

В а с и л и й. С таким же успехом мог сделать это и я.

И л ь я (*Листовскому*). Сек – или деми?

Л и с т о в с к и й. Demi-sec.

В а с и л и й (*Вере*). Сегодня мы целый день дуем губы. За что?

Б у ч к и н (*сильно выпивши. Мелкову*). Теперь, Николай Степаныч, вся тайна успеха в том, чтобы найти насущный сюжет. Я как читатель.

Вы напишите мне такой роман или драму, чтоб было видно, – чего хочет современный человек? Вот! Чего он, так сказать, жаждет. Вообще! Такой сюжет – нарасхват! Потому что – сбились мы. Понимаете? – сбились!

Илья (Бучкину). Сек – или деми?

Букин. Вали, все равно! (Мелкову.) Мы все умные и ужасно как много знаем. А что, и к чему, и зачем – не понимаем.

Мелков (тоже немного выпил). Ерунда! Сейчас важно только одно: вид верховного египетского жреца.

Букин. Нет, позвольте! Вот я, например...

Марья Ивановна. Митя! Спектакль сейчас же после обеда?

Митя. Извини, мама, спектакль отменяется.

Павел Сергеевич. Вот тебе на! Почему?

Митя. Потому что актер, он же автор, сегодня не в настроении.

Листовский. Позвольте! Автор не вы один. Зачем же я так работал над декорацией?

Митя. Я не меньше поработал над текстом. Но что ж поделаешь! К сожалению, актер тут единственный, все дело в его настроении, – а настроение... (Криво усмехается.)

Василий. Возьми себя в руки! Во-первых, ты портишь день имениннице, а во-вторых, будет жаль, если труд Аркадия Ивановича пропадет действительно даром.

Митя (злобно). «Даром – недаром...» – торгашеский диалект.

Василий (привстает). Дмитрий!

Павел Сергеевич. Ну, ну! Детишки! С ума вы сошли?... (Стучит ножом по стакану. Встает. Он тоже выпил немало.) Mes-dames, messieurs! В торжественный день 22-го июля я привык заканчивать наш обед приличной слушаю речью перед лицом гораздо более многочисленной публики. Сегодня, за много лет нашего счастливейшего супружества – ни одного человека со стороны. Желание самой именинницы. Близкие и друзья – вот всё, на чем сосредоточены ее помыслы. Толпа ее утомляет. И к тому же в последние дни она действительно что-то уж очень нервна... Но я ее понимаю. Ни одно еще лето не проходило для нас столь содержательно, и это все потому, что мой дом удостоили чести такие представители высшей мысли страны, как Нина Львовна, ее супруг и один из несколько примолкшей, но все же в свое время блестящей стаи – мой друг Николай Степаныч. Эта троица исчерпывает для нас если и не всё, то весьма много. И нервность нашей дорогой именинницы для меня,

господа, понятна: плод особливой напряженности духа. Ведь она, господа, – Мария и вполне оправдывает свое имя. Я напомню вам: «Марфо, Марфо, о многом печешься...» Я – Марфа, она – Мария. И эта Мария, так сказать, освещает мое слишком суетное существование высшим светом. Не будь ее, я, может быть, стал бы... Бог знает, чем бы я стал... Я, господа, не скрываю от себя, – я буржуй; но я просвещенный буржуй... Признаться, я ни черта не понимаю в этих ваших новых «глубинных» словах...

Б у ч к и н. Вот! Вот!

П а в е л С е р г е е в и ч. И все эти новые поколения с их странным способом мыслить – такая для меня тарабарщина...

Б у ч к и н. Вот и я, Павел Сергеич! Я человек маленький, но я человек прилежный и жадный и, так сказать, любитель словесности. И до этого лета...

М е л к о в. Помолчи!

Б у ч к и н (*отмахивается*). А теперь – слушаю, смотрю, читаю, вникаю... (*Мелков закрывает ему рот салфеткой*.)

П а в е л С е р г е е в и ч. Н-да, тарабарщина... Но пусть их! Я терпим. Может, и впрямь они создадут что-то новое. Им угодно «башню», – да будет им башня!..

Б у ч к и н (*Мелкову*). И слова новые. Даже слова! По-старому, понищенскому, он был рисовальщик, – а теперь график... И я сконфужен...

П а в е л С е р г е е в и ч. Анисим Ильич, помолчи, в самом деле!.. И это все, господа, благодаря лишь ей, моей неусыпной Марии. Ей обязан я воспитанием сына, ей же – вашим просвещеннейшим обществом. Всё от нее... но и всё для нее! Милая Муся, я искренно, глубоко уважаю тебя – и люблю... (*Идет к ней чокнуться, а за ним и все остальные. Марья Ивановна, видимо, потрясена речью мужа.*)

Л и с т о в с к а я (*встает*). Сейчас все разойдутся. Позвольте удержать еще на минутку. Павел Сергеевич прав, – лучше без посторонних. Но наша компания все же не полна... Арина Федотовна, простите, я трогаю свежую рану... Но эта рана настолько же и моя...

А р и н а Ф е д о т о в н а. Уж действительно, – помянули!.. (*Взволнованно*.) Ведь узнала я от прислуги, – ушла! Пешком ушла, на рассвете... Прислугу подкупила – молчать три дня... И куда и зачем, – ничего не понять. Думаю так, – не в своем уме.

Л и с т о в с к а я. Нет, Арина Федотовна, я знаю, куда и зачем. Цель Любы – великая цель. Ее душа – всероссийская душа, болезненно взметнувшаяся под гнетом событий...

Арина Федотовна. То-то – «всероссийская»! На большие слова всегда вы горазды!

Листовская. И вот, когда исчезла от нас эта душа... – признаюсь, так вдруг стало пусто кругом... – по крайней мере для меня лично. (*Сквозь слезы.*) И вообще эти имена так многозначительны и так ужасно грустны...

(*Вера, вдруг громко разрыдавшись, сходит в цветник. Переполох. Все покинули стол.*)

Василий (следом за нею). Что такое? О чем ты? О чем?

Вера. Ничего, ничего я вам не скажу! (*Мелков подает Вере воды и отходит.*)

Арина Федотовна (*подходит*). Детка! Да что же это с тобою сделалось?

Вера. Жалко Любы!.. Она сейчас так нужна, так нужна мне, – как никогда!

Арина Федотовна. Пойдем домой. Нехорошо так-то, на людях.

Василий. Позвольте, я отведу. Верочка, милая...

Вера. Не надо... Благодарю вас... (*Резко.*) Оставьте, оставьте! Пойдем, бабуля...

(*Василий, пожав плечами, отходит к Листовскому и скоро с ним вместе совсем исчезает в доме. Митя злыми глазами следит за ними и тоже уходит, как бы подстерегая их. Также уходят Павел Сергеевич, Мелков и Бучкин. Листовская в глубокой задумчивости сидит на балюстраде веранды. Марья Ивановна распоряжается уборкой стола и прочего вовнутрь дома.*)

Явление 2

Вера хочет идти с бабушкой в парк, но опять разрыдалась, и Арина Федотовна сажает ее на скамью.

Арина Федотовна. Да что такое произошло между вами?

Вера. Не знаю что.

Арина Федотовна. Кто ж тогда знает?

Вера. Люба узнала бы... Она все могла знать... Ах, я знаю только одно: я глубоко, глубоко несчастна...

Арина Федотовна. Оженить бы вас поскорей.

Вера. Ни за что! Напротив! Надо обождать, выяснить.

Арина Федотовна. До того дошло?!

В е р а. Чует душа... Он с Аркадием Ивановичем куда-то все пропадает... Кто знает, что они там делают в городке?.. А Нина Львовна, – разве она спокойна?.. На ней ведь лица нет... Ах, да не знаю я, ничего не знаю! Вижу одно: трещина, пропасть шире и шире... (*Опять разрыдалась так, что стала задыхаться.*)

М а р ь я И в а н о в на (*сбегает с веранды*). В таком состоянии домой невозможно.

А р и на Ф е д о т о в на. И то!

М а р ь я И в а н о в на. Пойдемте, Веруня! Расшнуруем, уложим в постельку... (*Уходят все трое.*)

Явление 3

Листовская сходит в цветник.

М а р ь я И в а н о в на (*возвращается очень скоро*). Ты знаешь, почему я отказалась от всяких гостей. Но эта последняя ласка его, это безоблачное довольство мною... (*Гримаса страдания.*) А тут еще ты! С тех пор как Люба исчезла, – ты... Нина, Нина, ты так любила ее?.. А как же я-то? Что же мне делать?... (*Пауза.*) Нина, послушай! У тебя ничего нет, но у меня есть свой капитал. Больше ста тысяч. Хватит нам на всю жизнь. Я готова на все. Уедем сегодня же! Я не могу больше жить с ним, принимать его ласки... Я понимаю твою тоску, но что же делать, если Люба все равно для тебя уж пропала? А я... Господи! Я отдам тебе жизнь, волю, деньги, стану рабой твоей... Ниночка, Нина!..

Л и с т о в с к а я. Перестаньте! Я уж сказала, – все умерло. (*Идет на веранду.*) (*Останавливается там. С глубочайшей тоскою прижимает руку к груди.*) Здесь нету сердца. (*К голове.*) Здесь – мыслей... Пустая, пустая!.. (*Уходит.*)

М а р ь я И в а н о в на (*одна*). Что же теперь? Что делать? Как же мне быть-то?.. (*Ломает руки и мечется по цветнику.*)

П а в е л С е р г е е в и ч (*выходит из дома*). Ну что, моя Мария, – все еще нервничаешь? (*Нежно обнимает ее.*) Это к грозе. (*Марья Ивановна испуганно взглядывает на него.*) Чувствую – духота в воздухе. Это к грозе. Ты помнишь, в третьем году, в этот же день, – какая тогда разразилась? Дамы-то визг подняли! А? Помнишь? (*Смеется. Гладит ей голову.*)

М а р ь я И в а н о в на. Милый мой, золотой! (*Униженно целует ему руки.*) Какой ты добрый, какой хороший!.. (*Всхлипывает.*)

Павел Сергеевич. Ну вот, опять! Ну, пожалуйста! Ну, ради меня!.. (*Уводит ее в дом.*)

(*Мелков и Бучкин навстречу.*)

Явление 4

Мелков (злорадно оглядывается). Однако тут все порядочно изнервились. (*Потирает руки.*) Ползет гроза, надвигается!.. (*Идет через цветник к парку.*)

Букин (следом за ним). А я понимаю, почему изнервились. Я сам... Никогда не был пьян, – а вот насвистался. Николай Степаныч, умный ты человек! Ты только подумай! Человек я... учен на медные гроши, но образование ценю и даже, могу сказать, обожаю. И вот всё, до самого последнего лета... и эсдеков и идеалистов... с трудом, с великим уже трудом, – но еще понимал... И вдруг!.. (*Уходят в парк.*)

Явление 5

Листовский (бежит со двора на веранду). Нина, Нина! Ты здесь?.. (*Нина выходит.*) Не знаю, как ты, – я уезжаю. Этот болван Дмитрий... Еще на скандал налетишь...

Листовская. Сама опасаюсь... А впрочем, – все равно!

Листовский. Так едем тогда. Василий уже хлопочет. (*Пауза.*) С нашей стороны было наивно с такими допотопными вступать в свободные отношения... Но кто ж знал? Кто ж знал! (*Пауза.*) Однако дремать нечего! (*Уходят в дом.*)

Явление 6

Букин (возвращается с Мелковым). Ведь вот и Павел Сергеич... – тоже не понимает! Ну, а ты? По совести!

Мелков. Я понимаю.

Букин. Ну? Будто?.. Ну, тогда – одним словом!

Мелков. Одним? Шар-ла-танство!

Букин. Нет, Николай Степаныч, нет, не скажи! Всегда и везде есть шарлатаны. Но ведь не все! Не может быть, чтобы все. Ведь тут, можно сказать, перед лицом всей России. Вот Митя, – он с ними, но он честный молодой человек. Кто скажет, что он нечестен, – голову оторву!

Мелков. Он просто – дурак!

Букин. Не скажи, Николай Степаныч, нет, не скажи! Митя –

мой ученик. Вот таким еще маленьkim гимназистиком... Господи! Бывало, на заре... Рыбу ловили... Это я, – я первый! выучил его созерцать... У меня сувениры, собственноручные сувениры... И давно ли? Господи!.. И вот уже он с ними запанибрата... Печатается... Лет через пять, может, ему уж будет кланяться вся Россия, а с ней заодно, значит, и я. И вдруг, стану кланяться, а за что – не пойму. Мой ученик, мое нещечко, – и вот уже я его не понимаю... (*Всхлипывает.*) Я, Николай Степаныч, если тебе вполне откровенно сказать, так смущен в своей жизни, так, если можно так выражаться, перевернулся кверху тормашки...

М е л к о в. Поди-ка ты лучше, миляга, во флигелек да приготовь кофейку. Ты ведь там все знаешь. В шкафу и ликерчик есть... А? Важно?..

Б у ч к и н. Все равно! Мне больше уж все равно ничего не осталось!

М е л к о в. Вот мы тогда и потолкуем до тонкости.

Б у ч к и н. Что ж я, – один?

М е л к о в. Я сейчас. Мне тут еще кое-что... (*Потирает руки, прислушивается.*)

Б у ч к и н. Так ты же скорей! А я живо... (*Уходит.*)

Явление 7

П а в е л С е р г е е в и ч (*выбегает из дома*). Где Бучкин?

М е л к о в. Вон, шканьбает. Только лучше не трогай: вдребезги пьян.

П а в е л С е р г е е в и ч. Валерианка вся вышла!.. (*Пауза.*) Скажи на милость, что тут такое с нашим бабьем?.. Вера хнычет на груди у бабули, моя Марья Ивановна руки целует мне, просит отставки: «Я, – говорит, – тебя недостойна...» Такая чепуха!

М е л к о в. А ты бы поспрашал... у Листовской.

П а в е л С е р г е е в и ч. Толкнулся! – Заперлась, не пускает. Ответила через дверь: «Уж если, дескать, кто и может успокоить вашу истерическую супругу, то всех менее я». И, знаешь, сказано в таком тоне...

М е л к о в. Я тоже подозреваю.

П а в е л С е р г е е в и ч. Так в чем же дело?

М е л к о в (*значительно*). А ты спроси ее муженька.

П а в е л С е р г е е в и ч. Это что же? Намек?..

М е л к о в. Не смею думать... Но, кажется, что если бы попытать его хорошенъко... этак с пристрастием...

Павел Сергеевич (бледнея). Послушай, Николай... Со мной шутки плохи... (Пауза.) Говори, – что ты знаешь! Говори, – или я тебя... (Хватает его за грудь.)

Мелков. Поди ты к черту! (Отталкивает его. Павел Сергеевич бросается обратно к дому. Мелков кричит ему вслед.) Постой, однако, постой! Ты больше все-таки у Листовской, чем у него! Слышишь? А то выйдет такое недоразумение... (Павел Сергеевич убегает. Мелков один.) Ха-ха! Любопытно! Весьма любопытно!.. (Хочет идти в парк, но удерживается за верандой, остановленный бурной беседой между Листовским и Митей, идущими слева. Они не замечают Мелкова.)

Явление 8

Листовский. Оставьте меня в покое!

Митя (ровным, стальным голосом). По приказу дяди Василия закладывают шарабан, а ваши чемоданы вынесли черным ходом прямо в каретник. Вы хотите тайно от меня улизнуть, – скатертью дорога, я не насильник. Но на прощанье извольте выслушать...

Листовский. Я абсолютно свободен! Никакой ревности не признаю. Вольно же вам понимать новый строй отношений по старому катехизису!

Митя. Дело не в ревности. Ваши нежности мне были всегда отвратительны, но я любил ваш талант и отдал вам душу и тело лишь для того, чтобы удержать возле себя одну вашу душу. Мое тело оскорблено, – это мой грех. Но вы оскорбили душу мою, – и этого я вам не прощаю.

Листовский. Черт возьми, чем же я ее оскорбил? Не виноват же я, что мое сердце...

Митя (по-прежнему сдержанно). Вы лжете. Ваш союз с дядей Василием – не сердечный союз, а торгашеский.

Листовский. Заладила сорока!.. Я уже вам имел честь докладывать, что подобные подозрения ни на чем не основаны.

Митя (вынимает из кармана листок почтовой бумаги). А этот документ? Узнаете?

Листовский (смущен). Вы рылись в чужих столах?.. Фи!

Василий (слева, из калитки). Аркадий Иванович, где вы? Я жду!

Листовский. Да вот, меня не пускают...

Василий (подходит). Ты опять?.. Ты несносен, мой милый!

М и т я. Я кончил. Получи обратно твой коммерческий акт.

В а с и л и й. Что такое?.. (Пауза.) (Берет листок. Узнает.) Скотина!

М и т я (начиная терять самообладание). Дядя Василий... Будь по-скромнее. Если же ты станешь еще и нахальничать...

В а с и л и й. Что такое? Угроза?.. Мальчишка! Сычик!

М и т я. Вы рассчитываете на мое чувство стыда... Вы мните себя за этим, как за прочной баррикадою...

(Из дома выходят Вера и бабушка.)

Явление 9

М и т я. Вера! Между мною и дядей Василием вышел спор. Он полагает, что, будучи женихом, свободен по-прежнему во всех своих действиях...

В а с и л и й. Ты с ума сошел, ты рехнулся?.. (Бросается к нему.)

М и т я. Да, мне кажется, что я действительно лишаюсь ума... Господи, неужели же это все не во сне?.. Вера, чистая Вера... Я не могу... у меня нет сил произнесть...

В а с и л и й (бросается к женщинам). Уверяю вас, – он просто пьян! Идите назад, уйдемте! Я объясню, я все объясню! (Насильно уводит их в дом.)

М и т я (Листовскому). Извольте теперь ехать, извольте ехать!

Л и с т о в с к и й. Если б я знал, что наскачу на такого бешеного... идиота...

М и т я. С глаз долой! Немедленно с глаз долой! – или я не поручусь за себя...

П а в е л С е р г е е в и ч (выходит при последних словах). Как! Ты хочешь его спровадить без наказания?.. Нет, брат, постой!..

Л и с т о в с к и й. Уже и вам доложил?.. Примерный сынок!

П а в е л С е р г е е в и ч. Так, значит, это все правда?

Л и с т о в с к и й. Не отрекаюсь... (Движение Павла Сергеевича.) Но к чему же так горячиться из пустяка?

П а в е л С е р г е е в и ч. Что такое? Из пустяка?!. (Пауза.) Уехать вам от меня так не удастся. У меня готовые пистолеты. Сейчас же, без секундантов!

Л и с т о в с к и й. Да вы, милейший, ей-Богу, рехнулись!

П а в е л С е р г е е в и ч. Немедленно, – или я вас как собаку!

Л и с т о в с к и й. Фу ты, право! Или я сплю?.. (Кричит.) Да что

вам, собственно, от меня нужно? Ну, я понимаю, если бы это еще была ваша дочь...

М е л к о в (*выходит из-за веранды*). Извините, я должен вмешаться. Дело клонится к идеальной развязке во вкусе парижского Пале-Рояля... – да жалко приятеля. Видишь ли, Павел Сергеевич, история, действительно, весьма неприятна, но не столь уж трагична, как ты полагаешь. Ты попросту неожиданно воткнулся клином в другой роман, – правда, того же... звездного происхождения, – но только не с женой, а с сыном. Понял? Относительно же Марии Ивановны придется считаться с его супругою. Понял?

П а в е л С е р г е е в и ч. Нет. Ничего...

М е л к о в. Ты все радовался, что здесь как в церкви; так ты ошибся: так бывает не только в церкви.

П а в е л С е р г е е в и ч (*холодея, хватается за голову*). Да неужели?.. (*Глядит на Митю и на Листовского*.) Так вот в чем дело!.. (*Бросается в дом*.)

М и т я. И она... тоже?! (*Глубоко потрясенный, опускается на скамью*.)

Явление 10

В а с и л и й (*выходит. Листовскому*). Ну-с, я тоже свободен... И к лучшему... Черт бы побрал этих... кисейных бабушкиных внучек! (*Оборачивается к Мите*.) Притих?..

Л и с т о в с к и й (*быстро*). Не трогайте вы его, ради Бога!

В а с и л и й. Я еду с вами... И лучше – поскорей! Шарабан готов.

(*Шум за сценой. Бурный разговор Павла Сергеевича и Листовской*.)

Л и с т о в с к и й (*прислушивается*). Погодите!.. (*Пауза*.) Он прибьет ее!.. (*Бросается в дом, и скоро его голос присоединяется к прежним*.)

Явление 11

Арина Федотовна выходит с Верой. Вера бледна, но держится прямо, с презрительно-гордым лицом.

А р и н а Ф е д о т о в н а. Не убивайся, Верунька. Возблагодари Бога, что до свадьбы упас. (*Сходят с веранды*.) Что творится... Что только творится на свете!.. (*Идут направо, но в это время шум в доме усиливается. Вера приостанавливается*.) Ну, ну, пойдем уж!

В е р а (*прислушивается*). Погоди. Изопью чашу до дна...

Явление 12

Выходят: Листовские и Павел Сергеевич.

Павел Сергеевич. Эти чудовища естества целый месяц ходили тут, между нас, как полноправные члены общества... Уезжайте немедленно! Благодарите судьбу, что я растерялся... (*Поворачивается ко всем и беспомощно разводит руками.*) Да, да! Я так растерялся... – голова кругом идет...

Листовская. Этот порок, по своему существу...

Листовский. Идем! (*Высокомерно.*) Не мечи бисера...

Листовская. Нет, постой! Пару слов. Мой порок, – если это порок, – по существу гораздо меньше бесчисленных ваших, но он нов по своей форме и потому шокирует вас, как пса, который лает на зеркало лишь несколько первых раз. Потом привыкает... Своими собственными прикосновениями вы оскверняли вашу жену гораздо больше, нежели я. Спросите у своей совести! Мягкотельй, сластолюбивый, – сколько раз за один этот месяц вы побывали в городке, в cabinets particuliers с продажными, поистине грязными тварями, а потом прямо оттуда возвращались пьяный на брачное ложе?.. Но вам еще повезло. Я знаю семью, в которой муж заразил жену и детей... Прощайте!

(*Все трое быстро уходят. Вскорости сльшины удаляющиеся бубенцы шабана. Митя продолжает по-прежнему неподвижно сидеть на скамье.*)

Явление 13

Павел Сергеевич (*после паузы. Он почти не слушал Листовскую*). Николай Степаныч... Арина Федотовна... Ради Бога!.. Все это, конечно, умрет между нами?... (*Пауза.*) Друг! Николай Степаныч! Да что же это? За что мне? Откуда?..

Мелков. Из башни, мой друг!..

Павел Сергеевич. Да, да! Все это завелось там, в этой башне, выстроенной собственными моими руками... К черту башню! Завтра же, завтра сзываю рабочих, – и наスマрку ее, наスマрку до основания!.. (*Пауза.*) Николай Степаныч! Арина Федотовна!.. Вы уж того... Ради Бога... Такой позор, такой неслыханный стыд!...

(*Уходит в парк, схватившись руками за голову. Пауза. Митя по-прежнему, убитый, сидит впереди на скамье. Арина Федотовна с Верой в глубине справа. Мелков, – также в глубине, – слева.*)

Мелков (*выдержав паузу, протягивает руку по направлению к Мите и начинает заливисто хохотать*). А-а! Господин Треплев! Я го-

ворил вам, предупреждал вас: не перегибайтесь так сильно!.. (*Хохочет.*) Или нет? Теперь вы уж не Треплев, а Дориан Грей... Не тот, не уверенный нашими психопатами, а жалкий, распластанный подлинной жизнью! (*Хохочет.*)

В е р а (*с негодованием*). Николай Степаныч, стыдитесь! Лежачих не бьют.

А р и на Ф е д о т о в на. Нет, Верунька, нет, погоди! По-нашему, по-старинному, для того и раскладывали, чтобы посеять. Жалко, Любаша нет. Я бы их рядышком...

В е р а. Бабушка!..

А р и на Ф е д о т о в на. Нет, стой! Он просит не разглашать... Да как же тут разгласишь-то! У меня-то самой в дому ладно ли?.. Ведь я теперь вижу, все вижу! Любка тоже не без греха. Оттого и сбежала. Потащилась теперь, шаланда, по всей по губернии. Страму-то, страму... – хуже, чем тут! Ну-ж вернется – на порог не пушу! (*Обнимает Вери.*) И травинку мою всю грязью чуть не забрызгали... Нет, батюшка, ты и впрямь посеки! Надо юноше, надо! – здоровей встанет...

М е л к о в (*храбрится, но все же смущен*). «Лежачих не бьют...» А сам он не был лежачих?.. Я, честный, чистый художник-труженик, сколько уж времени плашмя лежу под их сапогами. Я имею право смеяться над ними, потому что сам переживаю трагедию... быть может, смертную трагедию, и все это – благодаря им. Мальчишки, молокососы командуют искусством и жизнью, сильные не талантом и даже не мастерством, а только лишь своею безграничною наглостью.

А р и на Ф е д о т о в на. Именно, именно!

М е л к о в. Вы знаете, Арина Федотовна, какой разврат теперь пошел среди молодежи? Страшно сказать! Вот, например, недавно образовалось общество под хулиганским названием...

Явление 14

Ф е н я (*вбегает слева*). Барыню привезли!

М е л к о в. Какую барыню?..

Ф е н я. Любовь Филипповну. Накажи Бог!

А р и на Ф е д о т о в на. То есть как же это «привезли»?

Ф е н я. На телеге. Лежит.

В е р а. Мертвая?!

Ф е н я. Нет, живая. А только так полагаю – больны они. Мужик привез, из долины.

Явление 15

Мужик ведет Любу. Она в крестьянском платье. Идет не шатаясь и в полной памяти, но как-то слишком бережно ступает ногами.

М у ж и к. Ваща, что ль? Сказали: «На гору к господам». А к которым, — не разобрал. У самой спрашал, — молчит как воды в рот набрала. (*Ведет ее к скамье, где сидит Митя, и сажает.*)

В е р а (бросается к ней). Любочка, Люба, голубушка ты моя!

А р и на Ф е д о т о в на (энергично хватает Веру за руку и отбрасывает ее). Назад! Не прикасайся!

М и т я. Люба!.. Люба?!. (Со слезами на глазах целует ей руки.)

М у ж и к (снимает шапку. Мелкову). На чаёк бы...

М е л к о в (сует ему в руку). Получи — и убирайся!

М у ж и к. Покорнейше благодарим. (Уходит налево. Горничная тоже уходит в дом, несколько раз с любопытством оглядываясь.)

А р и на Ф е д о т о в на (подходит к Любке. Оглядывает ее). Ох ты, душа моя всероссийская! Да и где ж ты только, душа, таскалася, где так истрепалася?!. Ну-ка, ну! Что с тобой? Кости-то целы?

Л ю б а. Все цело. Сильно ноги растерла. Надо было в лаптях, а я в ботинках. Да вот еще лихорадка... В болото попала...

А р и на Ф е д о т о в на (кивает иронически головой). Так, так, — «в болото...» Туда и вся твоя дорога вела... (Подмигивает Мелкову.)

М е л к о в (разражается мелким смешком). Удивительно, удивительно! Что ни шаг, что ни слово — то символ. И сами себя этими символами — как поленом по голове! О, Немезида!

Л ю б а (оглядывается всех). Что тут случилось? Тут что-то случилось...

(В калитке показывается Бучкин. Он уже значительно потрезвел и, стоя в глубине, робко и внимательно наблюдает происходящее.)

М е л к о в (Любе). О да, событие немаловажное и даже торжественное: падение Дориана Грея с башни кверху ногами!

М и т я. Любка, уйдем отсюда! Уйдем куда-нибудь! Они и тебя вместе со мною...

Л ю б а. А! Понимаю... Ну, что ж! Рано или поздно это было должно случиться...

М е л к о в. Вот именно, именно-с!

М и т я (со слезами в голосе, Мелкову). Вы не лежачих бьете и не погрязших, а только споткнувшихся!..

Люб. Молчи, Митя, терпи! Ювенал говорит: «Воздержись от спора – никого не убедишь. Мнения как гвозди: чем больше по ним колотить, тем больше они влезают».

Мелков. Бедлам! Сущий бедлам!

Люб (она все время сидит неподвижно лицом прямо к зрителю, как бы застывшая в своей лихорадке и никого не видя. Напротив, Митя нервно реагирует и гримасами и телодвижениями на дальнейшие слова и насмешки Мелкова и Арины Федотовны). Пусть глумятся! Мы делаем наше большое дело как умеем, как можем, нашею кровью, нашими нервами, нашей душою, ошибками, унижением, и не им нас судить: нас рассудит история.

Мелков. Сели по уши в грязную лужу – и философствуют! (Хочет.)

Вера. Бабушка! Я большие не в силах... Я ухожу!..

Арина Федотовна. Не держу – уходи! – А я так еще посмотрю да послушаю... (Перемигивается с Мелковым. Вера уходит.)

Люб. «Грязь...» Ну да, они шли к истине по чистым дорогам, утоптанным до них миллионами ног. Мы чернорабочие, – мы не идем, а прем новипой, через трясины, грязь, острый щебень, пожарища...

Арина Федотовна. Ох ты, моя робдная, – сколь потрудилась!

Митя, дернувшись, оборачивается к Арине Федотовне с безмолвным страданием и мольбою.

Люб (неуязвима по-прежнему). Ты помнишь картину «Колумб в Саламанке»? Она обошла все иллюстрации. Кругом глумятся, хохочут до колик, – а великий искатель сидит неподвижно с безумным лицом, вперяя свой взор в пространство, в единую точку...

Мелков. И видит там Америку... Американцы!..

Люб. И для всех он – безумец... Порою, быть может, и для себя самого... Но он уж не в силах отойти от дивной мечты...

Павел Сергеевич (ходит из парка, по-прежнему убитый и ко всему безучастный. С легким изумлением, видя Любу). Это еще что такое?

Арина Федотовна. Колумбица! Америку, вишь, открывала. Да вот беда, – не доехала, в болоте застряла...

Павел Сергеевич смотрит на Любку с тупым любопытством.

Люб. И лучше ему погибнуть в безумии, нежели продолжать жалкую жизнь среди талантливых пошляков и разумных бездарностей.

Его лицо, осиянное лихорадкой упрямой мечты... – он похож на птицу, на перелетную птицу, одиноко тянувшую по глубокому небу два раза в год: весною – от юга, осенью – к югу. Напряженная шея, взгляд неподвижный... Вся под гипнозом магнитной, таинственной тяги полюса...

Ф е н я (выбегает). Барин! Где барин?.. Истерика с барыней! (Убегает обратно. Павел Сергеевич очнулся от своей тупости и тоже убегает за нею.)

Л ю б а (по-прежнему. Митя, вперившись в нее, слушает с жадностью, тоже забывши об окружающем). Да, да! Мы тоже – перелетные птицы. Наш север – долина, наш юг – гора. С юга на север, с севера к югу... И так вечно, так вечно...

А р и н а Ф е д о т о в н а (смущилась). Пропадайте вы пропадом, оглашенные! Тьфу! Вас послушать, – у самой все спуталось в голове. Слышишь ты, Любка? Сходи с ума, издыхай где угодно, а моего порога больше не переступишь!

Л ю б а (по-прежнему). Они говорят: «Отрекитесь от заблуждений...» Каких заблуждений?..

А р и н а Ф е д о т о в н а. Да тьфу на тебя! Господи, прости ты мою грешную душу!.. (Уходит направо.)

Л ю б а (по-прежнему). В моем прошлом были блуждания, но не заблуждения, и все они были нужны и важны. Ни в чем не раскаиваюсь, ни от чего не отрекаюсь: я дальше иду! (Маленькая пауза. Встрепенувшись, обращается к Мите.) Митя, милый! Хочешь со мною?

М и т я. Да, Любка, да! На край света! (Целует ей руки.)

Л ю б а. Только вот – ноги растерла... Отдохнуть бы... а где?... Все отреклись!..

М е л к о в (смущенный, пожимает плечами). В этом, однако, безумии что-то такое... как будто... (Медленно, оглядываясь, уходит налево.)

Б у ч к и н (глубоко тронутый, приближается к ним). Пусть они проклинают и отрекаются, – а я приючу! Обмою раны, прогоню лихорадку... Вы мои чистые, вы мои светлые! Ваше тело... Господи! По своей специальности видел я тела, можно сказать, разнообразных фасонов: все грязные! Главное – душа. Вот в чем суть.

Л ю б а. Анисим Ильич!.. Милый! Вы?

Б у ч к и н (припадая на одно колено, целует ей руку). Я-с.

М и т я. Дядя Анисим. Вы... с нами?

Б у ч к и н. Весь тут.

М и т я. И верите мне?

Б у ч к и н. Да, Митенька, да, голубчик! Весьма! (Митя горячо обнимает его. Бучкин прослезился.) Вместе ведь на заре... рыбу ловили... И сувениры... (Опять поцелуи.) Только бы вот понимать вас как следует!..

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ IV

В квартире Бучкина при больнице. Род гостиной и кабинета вместе. Прямо против зрителя большая стеклянная дверь, по обеим сторонам которой окна. За дверью и окнами виден небольшой деревянный балкон простецкой постройки, а за ним непосредственно расстилается даль, которая служила фоном первого действия. На этот раз, однако, поле зрения немного не доходит до ахатовской башни. Справа и слева двери в другие комнаты. Письменный стол. Круглый столик с диваном. Небольшой шкаф с книгами.

При поднятии занавеса за окнами едва брезжит зеленоватый рассвет.

Явление 1

Справа входят Бучкин, со свечкой, и Митя, в одежде, похожей на одежду странника Терентия (в первом действии). В руках посох, на спине сумка.

Б у ч к и н (ставит свечу на стол и с хмурой заботливостью оглядывает Митя). Ну, вот-с!..

М и т я (немного сконфужен непривычным костюмом и радостно возбужден. Заглядывает в окно). Светает. Свечку можно и затушить. Глаза колят. (Тушит свечу. Подходит к двери налево.) Люба, светает. Я уж готов.

Л ю б а (за дверью). Сейчас. Минуточку.

М и т я (подходит к Бучкину). Да, так вот как, дядя Анисим. Вот и собрались.

Б у ч к и н (хмуро). Да... Собрались...

Л ю б а (выходит, тоже в костюме странницы, бодрая, свежая). Вот и я. (Оглядывает Митя). Ну-ка, повернись... Да какой же ты славный! Совсем Терентий. (Берет его за обе руки) А руки холо-одные!.. Боязно все-таки?..

М и т я. Нисколько, нисколько!.. А что, конечно – нервничаю. Так это уж я всегда... Скорей от восторга...

Л ю б а (*подходит к окну*). Да, уж светает. Славный будет денек: ясный, безветренный.

М и т я. Оно, конечно, и боязно... Да только совсем не того, что ты думаешь. Страшно, что вот такой грешный от головы и до пят... Господи, давно ль это было?.. – И вот вдруг пойду по чистой земле, по чистой траве, под чистым небом...

Л ю б а (*подходит и кладет руки ему на плечи*). Так говорит Рамакришна: «Хотя бы в продолжение тысячелетий мрак наполнял пространство, оно становится тотчас же светло, когда свет проникает в него. Так и твоя душа: как бы долго она ни была поглощена мраком, она тотчас же вся осветится, как только Бог откроет в ней глаза свои».

Б у ч к и н. Аминь! Истинно!

Л ю б а. Ну, – сядем! (*Садятся. Пауза*) Милый Анисим Ильич, говорить ли вам пустые слова благодарности?.. За эту неделю столько ласки, столько внимания!.. Я отнимала вас у других больных...

Б у ч к и н (*хмурится*). Не в том дело-с. Мне вот, правду сказать, до страсти жалко, что слишком уж скоро вылечил. Вы уйдете, – а я-то как же? Опять во тьму, как в колодец, по уши! Ведь эту неделю... уж мне ее никогда не забыть, ибо это была не просто неделя, а, если можно так выразиться, семидневное сияние истины. Уж вы там сердитесь как вам будет угодно, а только прямо скажу: это ваше предстоящее путешествие, – или, точнее сказать, пешешествие, – продолжает во мне возбуждать яростные сомнения. Что вы там найдете для себя нового? Грубейшее утруждение душе и телу, – и ничего больше. Между тем как здесь... Сколько за эти дни, на моих глазах, вы открывали истин, и все новых и новых, и ежечасно!

Л ю б а. То были не истины.

Б у ч к и н. Что-о-с?

Л ю б а. Да, не истины, а только их выкладки, примерная их прикидка. Величайшее слово становится истиной только в момент своего воплощения. Иначе оно пустой звук. (*Вера вбегает на балкон, заглядывает в окна*.) Кто там?.. Вера?!

(*Вера стучится. Бучкин отпирает ей дверь*)

Явление 2

В е р а (*ходит*). Еще не ушли?... Слава Богу! (*Целует Любу.*) За ночь раз пять просыпалась, чтоб не проспать... (*Оглядывает их.*) Так вот... уже и готовы...

Л ю б а. Садись, Вера... Перед дорогой... (*Все садятся. Пауза.*)

В е р а (*робко*). Я что хотела сказать тебе, Любочка... Неужели так и не заглянешь к бабуле?...

Л ю б а. Какая ты, право! Будто не знаешь ее характера...

В е р а. Я знаю одно: она тебя по-прежнему любит. А если тогда сказала... Мало ли что говорится! Она тебя все время ждала.

Л ю б а. Это твои догадки.

В е р а. Мои догадки имеют основание. Она не спит по ночам... Запрещает о тебе говорить, – а сама стороною наводит справки. Вчера же, узнав, что ты опять собралась...

Л ю б а. Ты ей проболталаась?!

В е р а. Я молчала как рыба. Говорю же тебе, – она сама следит за каждым вашим движением.

Л ю б а. Ну, и что же она?

В е р а. Это так ее взволновало, что мне стало страшно. Заперлась у себя и потом всю ночь... – я в щелку подглядывала... почти всю ночь стояла перед иконой... Конечно, она и сейчас не спит. (*Люба встает, взволнованная. Пауза.*) Любка, пожалей бабушку!

Л ю б а (*хрустит пальцами*). Я бы сама хотела... Так ведь помешает!.. Изволь-ка ей разъяснить, что то, чего я хочу, мне нужно, нужно как воздух. Вот даже Анисим Ильич... Я ему целую неделю... Казалось, вдолбила, – а он опять за свое! (*Бучкин крякает. Шаги по лестнице.*) Кто там еще?.. (*Глядит в окно.*) Бабуля?!. (*Отбегает от окна, как бы с жаланием спрятаться.* Арина Федотовна, тяжело ступая, поднимается на балкон, открывает дверь и входит. *Пауза.* *Обводит всех тяжелым взглядом и останавливает его на Любке.*)

Явление 3

А р и н а Ф е д о т о в н а. Опять собралась... чудачить?.. Угомону на тебя нет!.. Теперь и юношу за собою сманила?.. (*Пауза.*) Ну, это потом. Перво-наперво вот о чем разговор. Ты что ж за всю неделю носу не показала? А?

Л ю б а. Я точно исполнила твой же приказ.

Арина Федотовна. «Точно...» «Точно...» Толкнуться, небось, могла бы попробовать!.. Али от поклону отвалилась бы твоя гордецкая голова?.. (Пауза.) Ну, вот что внучка. Родом я буду поближе к простым мужикам, нежели ты, а потому и гордость моя меньше твоей. Не захотела ты, – так, вот, я сама... (Пауза.) Все эти дни думала я и мерекала и своим разумом и Господним, – и вот к чему прихожу. Все мы люди, все всю жизнь свою со грехом путаемся. За то, что ты не погрязла в своем грехе, нашла в себе силу переступить через него, как вот я сейчас через этот порог, – за это, Люба, я тебе земно кланяюсь. (Кланяется, не становясь на колени, но касаясь земли правой рукой. Все поражены и взволнованы.)

Люба (бросается к ней). Бабуля, бесценная! (Опускается на пол, обнимая ее колени.) Клянусь тебе, всю я жизнь и любила тебя и не сомневалась в тебе... А в тот день, как ты стала так грубо, так мелко издеваться надо мною, измученной и больно...

Арина Федотовна. Ну, ну, не поминай! У всякого сердце есть... Тебе попало, сама знаешь, не за тебя одну, а за всех... (Поднимает ее.) Я тебя, Любаша, очень люблю; всякую люблю; за то, что ты сильная по-нашemu, по-корневому, краюхинскому. А ты вот, в свой черед, захотела старуху обидеть, без ее благословения в дальнюю путь-дорогу идти. Вишь ты, какая нелепая ты! (Целует ее.)

Митя (радостно). Так, значит, бабуля, благословляете?..

Арина Федотовна. Ты тоже – лотоха! Небось, не на поезд...

Митя. Рассвет не ждет. (Распахивает настежь двери и окна.) Разгорается!.. Ежели холодком, – далеко можно уйти!

Арина Федотовна (иронически кланяется). Не жадничай, батюшка, сделай милость, еще вот как успеешь ноженки растереть!..

Люба (смеется). Ну, нет, теперь мы умнее. Гляди-ка-сь, – в лаптях!

Арина Федотовна. Все же, небось, можно старухе подарить десяток минут. Вот, сядем маленько, по старинному по обычанию. (Садится.)

Митя. Сидели, сидели уж!

Арина Федотовна. И еще посидишь! (Все садятся. Пауза.) Куда ж вы пойдете?

Люба. Однажды – помнишь? – я привела к нам во двор через свежий пролом молодого странника. Помнишь? Ну, вот, поел он, отдохнул, прощается. Спрашиваю: «Куда ж ты теперь?» А он в ответ: «Выйду да оглянусь. Высоко тут, – всюду видно...» Так вот и мы.

Арина Федотовна. Зачем пойдете? Чего искать?

Люба. Ну, это, бабуля, длинно рассказывать. Вот он (*указывая на Бучкина*) тебе все объяснит. Мы много с ним об этом беседовали.

Арина Федотовна (*после паузы, со вздохом робости*). Ох, милые вы мои... Народу там какого встречается... Ведь вас там всякий обидит, «блаженных»-то!

Люба. Нет, бабуля, напротив. За свое первое короткое путешествие я уж успела заметить, что блаженного обижают только в семье. Оно и понятно: от него в дому лишь одно неудобство. Напротив, краткое общение с ним, ежели он мимоходом, народ любит и ценит. Для странника «убожество» – лучший щит.

Арина Федотовна. Да, пожалуй... (*Пауза.*) Ну, а на могилку на свежую (*движение Мити, Веры и Бучкина, которых она не замечает*) заглянешь мимоходом?

Вера. Бабуля, что ты!..

Арина Федотовна. А по-моему, не мешало бы: еще следом увяжется, по ночам станет мучить.

Люба. Какую могилку?..

Вера. Эх, бабуля! Забыли предупредить...

Арина Федотовна (*спохватывается*). Ахти! Так я же не знала.

Вера. Ну, все равно. Может, и к лучшему... Мы, Люба, хотели скрыть... Может быть, это тебе будет тяжело слышать...

Люба (*приподнимается*). Листовская?..

Вера. Да. В тот же день, там же на станции... Прямо в сердце...

Люба (*встает*). Нина, Нина!.. Бедная, бедная!.. (*Пауза. Садится. Закрывает лицо руками.*) Да, это было похоже!..

Букин. И письмо в руке... Насилу разжали... Следователь хотел вам допрос, – да вы тогда лежали в бреду... Вера Филипповна, у вас ведь письмо?

Вера. Да, со мною. (*Ищет за корсажем,*)

Букин. Карандашом, на скорую руку... Должно быть, там же, в уборной...

Вера. Вот. (*Подает письмо.*)

Люба (*читает на конверте*). «Любе Лесной, когда возвратится или найдут...» (*Вертит конверт.*) Вскрыто. Кто вскрыл?

Букин. Следователь. Я упрашивал, – так нет, любопытствовал...

Люба (*читает письмо*). «Не я сама, и не люди, и не позор. Меня убила ты, в ту страшную ночь, под звон колоколен. Ты помнишь? Эта пуля – только печать под твоими словами. Благословляю тебя. Смотри же – оправдай мою смерть! Нина». (*Пауза.*) Прямая, высокая, – она согрела между землею и небом ясно и честно, как свеча воску ярого... (*Дрогнувшим голосом.*) Много света в моей душе – от нее... Да будет ей земля пухом!.. (*Опускается в кресло. Пауза.*) И такую записку вы хотели скрыть от меня!..

Вера. Это Митя.

Митя. Я боялся, что это расстроит тебя и ты не пойдешь.

Люба (*сдвигая брови и выпрямляясь*). Напротив! Если бы я умирала, то и тогда, после этой записки, встала бы и пошла. (*Снова читает.*) «Смотри же – оправдай...» Да! Оправдаю! (*С энергией.*) Митя, в дорогу! И впрямь – совсем уж видно кругом. Давайте прощаться. (*Прощаются: Люба – начиная с Арины Федотовны, Митя – с Бучкина.*) Прощай, старуха! К зиме, Бог даст, опять повидаемся.

Арина Федотовна (*весело*). Прощай, чудная душа!.. А за то еще тебя я люблю, что все же как будто недаром живешь ты, недаром горишь. Нет, по-моему, ничего сквернее, как ежели человек задаром существует. Ну, право же, это хуже греха!

Люба. Прощай, Веруня! (*Вера тихонько расплакалась у нее на груди.*)

Бучкин. И прежде всего, Митенька... У вас весьма музыкальное ухо... Принесите вы мне такой язык, чтобы он был в одно время и выразителен, и глубок, и ясен для каждого.

Люба (*Вере, которая все еще продолжает плакать*). Веруня, милая! Чего ты? Не навек же прощаемся!

Вера. Не о том я. Бабуля правду сказала. Ты живешь такою яркою, не напрасною жизнью... А вот я... действительно... даром живу. И это – бабуля правду сказала – хуже, хуже греха!..

Арина Федотовна (*которая в этот момент прощалась с Митей*). Ну вот, попала! Да нешто я о тебе?

Вера. Не обо мне; а пришлось – прямее не выдумать. Мне, Люба, так тяжело, такая тоска... Ты как-то всегда умеешь сама себе ставить цель, которой и достигаешь, так или иначе. Какие у меня цели? Да и могут ли быть теперь?..

Арина Федотовна. Ну, завела!

Вера. Погоди, дай досказать! Ты, Любочка, извини, что опять задерживаю; но мне кажется, что это – не мое только личное, а вообще

очень важно. Зачем ты идешь? Ты идешь искать Бога. Так вот, если ты наконец действительно встретишь Его и станешь Ему говорить о наших всеобщих нуждах, — не забудь, между прочим другим, еще и об этом сказать: «Вот, дескать, там на горе тихонько живет робкая девушка с разбитым сердцем. У нее было всего только три желания, и таких скромных, что они не шли дальше двора. Первое желание — найти честного мужа, второе — стать матерью прекрасных детей, и третье — пребыть до конца верной Христу, мужу и детям. И вот, дескать, Господи, она просила меня указать ей жениха, и я указала — и прибавила: вот этот не хуже других...»

Люб а. И еще я сказала, что тебе вообще, с твою чистой, кристальной душой...

Вера. Не перебивай. Ты слушай! Ведь я сейчас не для укора тебе. Я говорю, сказала: «Вот этот не хуже других, а пожалуй, и лучше». — И вот, этот лучший оказался таким же грязным, как и другие... Так вот и спроси ты у Всемогущего, если и впрямь тебе посчастливится встретить Его: «Господи! Что же теперь осталось девушке на горе? Что делать, чтобы не даром ей жить, не напрасно?.. Или и впрямь идти в монастырь?» (Люба хочет что-то сказать.) Нет, больше ничего, ничего! Это все. (Утерла слезы.) Теперь идите. Идите теперь!.. (Отходит, садится в кресло у круглого столика и там остается почти до конца акта. Арина Федотовна так глубоко поражена словами Веры, что хранит в себе это впечатление до конца акта. Бучкина это тоже сильно задело, но он, как сангвиник, все же легко поддается и другим впечатлениям.)

Люб а (после паузы). Вот, бабуля, ты все допытывалась, зачем я иду... Она тебе за меня отметила лишь малую часть нынешней тяготы человеческой. Скиталась я по всему свету, видела всяких людей, всякие классы, — все искажено, все насквозь прогнило. (Вере.) Бедная травинка моей, жертва безвременья! Да, тяжело тебе, очень! Повсюду теперь идет ярая битва людей — и люди, не замечая, топчут в борьбе и траву и цветы...

Митя. Вот уж верно!.. (Выходит на балкон.)

Арина Федотовна (с великим напряжением). Так как же ты... Как же ты... Я понять не могу, — у меня опять все спуталось в голове, — да как же ты можешь в одно время жалеть эту, чистую, — и прославлять пакостницу?!. Разве не она, не ее муж совратили Василия? (Дразнит.) «Пухом земля ей...» Осиновый ей кол, а не пух!

Любя. Не горячись, старая, не оскверняй уста хулою на мертвых, послушай лучше, чтó я скажу тебе. Помнишь, в тот день, как приехали ей, ты перетряхивала лежалое платье? Помнишь, тогда же воры указали тебе место в стене для калитки? Если бы озорник Семка не разбил тебе сундука, твои здоровые кофты сгнили бы вместе с гнильми, а без калитки ты бы сегодня наверно уж не застала меня здесь и терзалась бы совестью до самой зимы. Так вот, возьми ты этот сундук, эту калитку и вместе с Листовской хорошенько истолки в ступе твоего кряжистого разума, – вот тогда, на дне, и увидишь зернышко истины... (*Маленькая пауза.*) Однако пора! Ай-ай-ай, как светло, как запозднились! Ну, еще раз! (*Целует бабушку, потом Веру.*) Не кручинься, девица красная! Перетруска гнилья и все вообще смены идут теперь ускоренным темпом, и твое положение, право, уж не так безнадежно. Авось найдем тебе там, в долине, славного парня. Анисим Ильич, милый, позвольте и вас поцеловать от всего сердца! (*Целует.*)

Букин (*растянутый*). Богиня, богиня!

Любя (*Мите, который на балконе воззрился по направлению к башне, невидимой зрителю.*). Айда, Митюха! (*Выходит на балкон.*) Куда ты так воззрился?

Митя. На башню мою. Гляди, – отец исполняет угрозу. Рабочие уж пришли. Вон-вон копошатся!.. Сегодня же рухнет... Сначала крыша... (*С глубоким вздохом.*) Много там все-таки пережито светлых, чистых минут!..

Любя. Не оглядывайся назад, не оглядывайся! Орфей оглянулся – и навеки потерял Эвридику.

Митя. Я понимаю... И все же обидно... Ах, если бы знала ты, какие они подлые... Оба, оба!..

Любя. И ругаться не надо: всё – к лучшему! (*Улыбаясь, Бучкину, который, провожая, стал у дверей.*) Анисим Ильич, не правда ли, сам Лейбниц сказал?

Букин (*тоже с улыбкой*). Если не ошибаюсь!..

Любя (*Мите*). Где победители, – там и торгаство. До нас торгари промышляли всяческим «святым», – при нас расторговались «грехом». Удел честно ищущих – вечно страдный путь дальше и дальше. Твоя башня, пока ты жил там один, без корысти, была не смешна, но прекрасна. С тех же пор, как там заключили торговый договор те два царька, – она стала смешна и достойна разрушения.

Митя (*с ужасом*). И так вечно?!.

Любя. Думаю, — да!.. И все же — наплюй и разотри лаптем... Или нет! В эту славную, святую минуту ни на что не надо плевать. Благословим всякую сущую силу, злую и добрую! А Господь с небеси и без нас все управит. Гляди в долину: как там красиво туман подымается... Еще минутка — и брызнет солнце... Итак, Митюха, возьмемся за руки...

Митя (в восторге). И знаешь, Люба, — как птицы, перелетные птицы! Напряженные шеи, взгляд неподвижный... под вечным гипнозом таинственной тяги полюса...

Любя. Да, да! Ну, — с Богом! (Спускаются по лесенке, взявшись за руки.)

Бучкин (когда скрылись их головы). Митечка, Митечка! Тряхните стариной, гръньте на прощанье мою любимую!

Митя (уже невидимый). У самого просит душа!

(Пауза. Внушительный, дальний, басовый удар колокола. Опять пауза.)

Митя (поет в тоне, данном колоколом).

Благословляю вас, леса,
(тот же колокол)

Долины,
(другой колокол, в последнюю ноту
музыкальной фразы)

Нивы,
(третий колокол, полутоном
ниже второго)

Горы,
(второй колокол)
Воды!
(Третий колокол.)

Благословляю я свободу
И золотые небеса...

И т. д.

(Колокольные звонь, — неизменно тихие и мирные, — то ближе, то дальше, — то перемежаясь, то сливаюсь вместе, все время аккомпанируют пению в гармоничных тональностях. Это же пение, постепенно удаляясь, медленно тонет в этом странном, широком аккомпанементе, как парус в море. — И так непрерывно, до закрытия занавеса.)

Явление 4

Бучкин, выйдя на балкон и махая платком, восторженно глядит вслед уходящим. Арина Федотовна, стоя недвижно в дверях, глядит туда же. Вера по-прежнему на диване. Через некоторое время Арина Федотовна, отвернувшись, входит в комнату, а лицо Бучкина теряет свою восторженность: ему вспомнилось что-то очень больное.

Б у ч к и н (*входит вслед за Ариной Федотовной*). А и действительно, по нынешним временам... Вот я, например... И у меня была жёнка. И как будто любила... А потом вдруг, в два дня, взяла – и ушла... И ведь из-за чего, – вспомнить совестно!.. Ей, изволите видеть, понадобился до зарезу какой-то особенный лифчик. Я бы и от души, – да вот... ну, средств не хватило! И что ж бы вы думали? В два дня нашла другого, у которого хватило на сей самый предмет, – и вот...

А р и н а Ф е д о т о в н а (*не слушая Бучкина, на свои собственные болючие мысли*). Да, да, вот это самое! И это истинно, – надо идти! Не ей, – так кому же?.. Да! На люди выйти да криком кричать, источным криком: «Люди добрые! Народ православный! Где ж семья подевалась? Где?..»

Б у ч к и н (*подходит к Вере*). Вот, Вера Филипповна, после такой истории я и возлюбил истину более сердца. Уж эта супруга никогда не изменит... По крайней мере – по пустякам...

(*Вера резко встает, выходит на балкон, садится на перила и с глубокой тоской в лице глядит вслед уходящим. Бучкин, как бы отгоняя от себя последнюю печальную мысль, тряхнул головою, подходит к окну и, оперившись о его косяк, слушает пение.*)

Б у ч к и н. Прекрасный у Митеньки голос! Ежели еще хорошенъко его поставить...

А р и н а Ф е д о т о в н а (*опускается на колени перед иконой*). Господи Иисусе Христе! Очисти пути труждающихся рабов твоих Любови и Дмитрия, избави стопы их от всякого преткновения. Мати пресвятая Владычица! Покрой их святым покровом твоим во дни и в ночи!..

(*Голос Мити совсем утонул в колокольном благовесте.*)

З а н а в е с